

Рос 4-4
7-105

ПРОВОЗЖЕНИЕ

Пробуждение

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ 14-го НОМЕРА:

В преддверии грядущих событий	Передовая
Очерки по истории анархических идей	М. Неттау
Суд земли (Стихотв.)	А. А. Карсани
Анархизм в литературе	В. Де-Клоэр
Грозная власть (Стихотв.)	Венерен
Слова иные, метод тот-же	Жан Грав
Песня свободы (Стихотв.)	Г. А. Ваткин
Политика и мировоззрение	А. Хляков
К предстоящему конгрессу либертарных синдикалистов	М. Неттау
Пусть гравит бой (Стих.)	П. П. Калаев
Как относятся анархисты к платформе и платформистам	М. Артемьев
Анархические начала русской культуры	
Анархизм в России	
Для чего существует анархическая пресса?	
Мелкие заметки и сообщения.	

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ

РУССКИХ РАБОЧИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№14

Ноябрь, 1930.

В ПРЕДДВЕРИИ ГРЯДУЩИХ СОБЫТИЙ

Будет буря. Нависшие на небосклоне черные тучи прорезывают ослепительные молнии. Отдаленные раскаты грома, сотрясающие атмосферу, предупреждают о надвигающейся грозе.

Буря приближается. Бушует море, и взбунтовавшиеся волны разъяренно бьют о берега, как-бы желая разорвать сковавшее стихию гигантское кольцо, и разлиться бурными потоками и веселым ручейком по всей земле. Увы! берега сковали стихию, крепко держат в цепях неволи, и не пускают на простор. Но неутомимый бунтовщик не унимается: неудачи его не огорчают, препятствия не страшат. С яростью и бешеным вздымаются грозные волны, и бегут на новый приступ, чтобы разбить оковы, чтобы вырваться на волю.

А разве вы, читатель, в нашем обществе не наблюдаете аналогичных бурь и их грозных провозвестников? Разве вы не слышите подземного гула и не замечаете изменений времени?

Пробил час, наступает срок нового подема, новых великих событий и испытаний, которые потрясут весь мир до основания, изменят его лицо, откроют новые пути, утвердят новую правду жизни.

Какое поразительное сходство с 1914 годом, закружившем весь мир в вихре Великой войны. Нашему взору открывается знакомая картина: под шум клятвенных заверений о вечности и незыблемости мира, милитаристы точат мечи; в воздухе беспрерывный лязг оружия; армии и флоты спешно усиливаются; миллиарды народных средств тратятся на безумную игру в солдатики.

Повсюду свирепствует страшная реакция. Фашистские, социалистические, большевистские, республиканские и всякие прочие правительства издеваются над народом, и беспощадно грабят его податями и налогами.

Миллионы рабочих выброшены на улицу капиталистами, присвоившими себе созданные трудом рабочего богатства. Капиталисты обворовали рабочих, заперли произведенные ими товары и богатства на замок, и предоставили миллионы тружеников на волю судьбы.

В 1914 году буржуазные правительства, очертя голову, ринулись в водоворот войны, чтобы путем беспримерной бойни, истощения и искалечения миллионов людей, разрушения целых городов и стран разрядить сгущенную атмосферу, предупредить

взрыв народного бунта, отвести в сторону грозные тучи, колебавшие капиталистическое здание.

Зачинщики Мировой войны просчитались. Кровавое и массовое капиталистическое разбой, именуемое войной, не спасли капитализма, не упрочили его положения, и окончились величайшими социальными и политическими потрясениями. Под ударами разразившихся революционных бурь рушились, как карточные домики, королевские и царские троны. Русский царь заплатил своей головой; русскому капитализму был нанесен смертельный удар. И почти все буржуазные страны вышли из войны с помпезными боками. Страшно дорогой ценой капитализм купил себе отсрочку от неизбежной развязки, не уничтожив, однако, основных противоречий своей системы, не упрочив своего шаткого положения.

И снова наступает срок расплаты. Капитализм задыхается от собственного ожирения и тяжести, он страдает от избытка и пресыщения, в то время, как миллионы безработных превращены в нищих и обречены на вымирание.

Ясное дело, что в подобном случае надо что-то предпринимать. Ведь нельзя же допустить того, чтобы люди умирали с голоду и мерзли на дворе в то время, когда в стране избыток хлеба, продовольствия, товаров, квартир и денег.

Богатства так велики, что капиталисты не знают куда их девать.

Надо, следовательно, поделиться всеми этими излишками с теми людьми, которые в них нуждаются. Голодного — накорми, немущего одежды — одень, бездомного — приюти, — таковы веления христианской морали. Но всего менее считаются с ними капиталисты, именующие себя христианами и их союзники — христианские церкви, освящающие своим нравственным авторитетом капиталистический грабёж.

Капиталисты, конечно, не захотят расставаться с своими богатствами и делиться ими с безработными. Но и миллионы безработных вряд-ли захотят погибать от голода и холода ради сохранения в целостности и

неприкосновенности украденных капиталистами у них богатств.

Конфликт становится неизбежным по мере нарастания революционного протеста. Капиталисты возлагают надежду на войну, полицию, сыщиков и прочих своих союзников. Но в критические моменты случается так, что ружья перестают стрелять и даже обращаются против тех, на защиту кого они были посланы. В социальной войне нет ничего верного и надежного.

Капиталисты и правители все это прекрасно понимают и учитывают, и поэтому они сплошь и рядом затевают какую-нибудь войну, чтобы не допустить в стране революции и социальных потрясений, угрожающих власти и экономическому господству буржуазии.

Война производит разрядку накопившихся революционных сил; но с другой стороны, — она представляет и опасную игру, которая, особенно в случае неудачного исхода войны, ускоряет революционный процесс, подливает масло в огонь народного недовольства.

Буржуазные страны представляют теперь клокочущий вулкан, который может взорваться в любой момент. Накопилось слишком много взрывчатых веществ, и нет недостатка в поджигателях. Их теперь наплодилось еще более, нежели до Мировой войны.

По свидетельству одного буржуазного корреспондента, в некоторых местах Европы отношения настолько натянуты, что ружья сами стреляют. И война, следовательно, не за горами. Капиталисты и правители уготовляют всему миру новую кровавую бойню, чтобы таким образом отсрочить разрастающееся по всему миру революционное движение, и отдалить свою собственную гибель.

Но никакие преступные замыслы буржуазии не спасут дряхлого, издыхающего капитализма. Гибель его неизбежна. Войны не поможет ему, а будет его могильщиком.

Война приведет к неизбежному революционному и социальным потрясениям. На

М. НЕТТЛАУ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АНАРХИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Предварительный набросок этого исследования по истории анархических идей не лишен будет, вероятно, некоторого интереса.

Сущность и цель этих идей может быть определена как любовь к нашей собственной свободе и к свободе всех других людей, как вера в то, что взаимное уважение и чувство общей солидарности постепенно заставят их вступить на путь личного и коллективного устройства более справедливой и гармоничной социальной жизни.

Считается уже установленным, что очень медленное раннее развитие человека ускорилось позднее, когда применение инструментов сделало возможным регулярный труд и увеличение народонаселения. Эти и другие факторы привели к оседлой жизни и возникновению собственности, дали преимуществ тем, кто проявил физическое и умственное превосходство, а также и умение захватывать собственность. Этим началась долгая эпоха власти и частной собственности, длящаяся еще и до сих пор. Но эпоха эта проходит, как показывают происходящие в жизни перемены и новые тенденции, — тенденции к большей свободе и солидарности, которые преодолевают привилегию и монополию. Эти тенденции ведут к все более полным достижениям, и идеалы анархистов

развалинах старого, буржуазного мира, на костях и крови жертв войны, будет положено основание новому обществу, которое уничтожит армии и флоты, милитаризм, человекоистребление, экономическое неравенство, безработицу, парабощение и власть одного человека над другим.

И на борьбу с капитализмом, милитаризмом и всякой властью, за свободу и безвластие мы призываем всех трудящихся и угнетенных.

Долой войну!

Долой капитализм!

Да здравствует свобода!

стоят на линии этого развития, а более высокие формы их — далеко впереди.

Очевидно, что у первобытных дикарей не могло быть представления о таком систематическом развитии. Их жизнь управлялась обычаями, возникшими на еще более ранних стадиях развития социальной жизни. Эти обычаи смешались с правилами, основанными на превосходстве начальников и собственников, укреплялись ими, а также подчиненной им поднимавшейся кастой жрецов, кастой воинов, торговцев и пр. В этих условиях свободы не было нигде, она была задавлена обычаями и сокрушена привилегиями. Деспотизм и тирания были всемогущи в течение долгого периода, и только в редких случаях, наиболее благоприятно развивавшиеся страны, как Греция, сбросили тиранию и на время создали демократию. Но демократия не долго просуществовала, ибо Греция была завоевана сначала Македонией, а потом Римом. Часто вспыхивали бунты, и свобода — в теории — считалась высочайшим идеалом.

Социалистические стремления и глубокие экономические причины для этих стремлений также существовали, не очень редки были идеи, не проникнутые авторитарным духом. Разумеется, у всех этих народов были религиозные предрассудки и множество богов, существовавших много столетий. От этих богов им также предстояло освободиться.

Однако, несмотря на все эти физические и умственные препятствия, золотой век, патриархальная жизнь минувших дней, легенды о бунте против богов, от Сатаны (любимого героя Бакунина в Библии) до Прометея, ясно говорят об анархических стремлениях, о тяге к полной свободе и устранению причин социального неравенства.

Такие стремления содержатся в народных песнях, воспевавших борцов с властью и привилегией, от бунтарей до воров. И те, и другие изображались мучениками, и о

тех, и о других с сочувствием говорили те, кто был слишком слаб, чтобы им подражать. Из этих традиций многое утрачено, ибо не было отмечено официальными хроникерами, бывшими на стороне власти имущих, или же извращено позднее в народном уме жрецами, изображавшими эти традиции как греховные. Даже путешественники и этнографы более недавних времен редко бывали подготовлены для того, чтобы обратить внимание на такие традиционные идеи и понять их, как пережитки свободы. Они рассматривали поду-политические учреждения и установленные власти как цивилизацию, а привычки к свободе — как остатки дикости. Лишь изредка некоторых дикарей изображали как образцы честности, не нуждающейся в законах, так было, когда краснокожие индейцы и таитяне приехали в 18 веке во Францию. Задолго до современного развращенного и поработанного общества, в древней Греции и даже в гордом Риме, некоторые "варварские" народы ставились гражданам в пример писателями, выступавшими в роли суровых критиков нравов.

В эпоху, когда угнетение было повсюду, неизбежно было, что свобода понималась просто как независимость, которую надо было постоянно защищать. Поэтому многие сами становились сторонниками власти, тиранами и диктаторами, приводя в свое оправдание необходимость самозащиты. Это приводило только к тому, что на место старой тираннии возникала новая, — сначала малые государства, которые завоевывались более крупными, а те — еще большими, и в этом кругу мы вращаемся до сего времени.

Но всегда находились люди, мечтавшие о том, чтобы выйти из этого круга, осуществить мир и добыть свободу для всех. Другие стояли за права личности, подавляемой обычаями и притесняемой законом. Среди этих людей мы и должны искать ранних анархистов.

Таким образом, обзор этнографии, писаной истории, мифологии, фольклора, местных хроник, ранних восстаний воинов, деревенских обычаев, ранней поэзии и фи-

лософии, могут, вероятно, открыть много затерянных следов анархизма, если устранить недооценки и извращения, патронизованные авторитарными исследователями. Эту работу надо тщательно выполнять, и она не замедлит пополнить наше понимание прошлого, которое во многих отношениях все остается с нами и никогда не перестанет быть с нами.

В области восточной философии только либеральный философ Лао-Тсе подвергся изучению, но его "Простой путь" принимает всякий раз иной вид при каждом новом переводе, и в переводе д-ра Уларина в "Ревю Бланш" (Париж), он оказывается совершенно либертариным. Александра Давид, путешественница по Китаю и Тибету, встретила однажды "китайского Штирнера" ("Меркюр де Франс", 1 декабря 1908 г.) и написала об "Индивидуалистических теориях в китайской философии." Все это настоятельно требует дальнейшего исследования.

Греческая философия так подробно была исследована, что подпочвенные течения, возникавшие в стороне от государственных и ультра-патриотических течений, не могли остаться незамеченными. Несмотря на то, что постоянно заявляли, учили и философски доказывали тезис о зависимости личности от государства, убеждая, что родной город или государство лучше всех других, что мудрый и добродетельный должен приказывать, а мелкота должна только повиноваться, — несмотря на это, всегда возникали обратные течения, и свобода личности, человечность, право жить по своей воле считались многими гораздо более высокими идеалами. Отдельные философы, державшие мыслить так независимо, встречали пренебрежение к себе со стороны официально признанных философов, и труды их либо погибали, либо сохранялись только в виде отрывков.

Таков был Антифон, на которого только теперь обратили внимание (см., напр., Лурье, "Антифон, Творец древнейшей анархической системы", Москва, "Голос Труда", 1925, 160 стр., и того же автора — "Пред-

течи анархизма в древнем мире", Москва, 1926, 245 стр.). Таковы же Аристиппос, основатель гелонической школы, и даже знаменитый историк Зенон (342 — 270 г. до Р.Х.), противопоставивший авторитарной системе Платона хорошо продуманное изложение полного и глубоко обоснованного анархизма.

Известно, далее, что уже в пятом веке до Р.Х., помимо местных законодательных мероприятий, теоретически разрабатывались — многими принимались в качестве желательных — также и общие принципы: так называемое природное право — первое провозглашение прав человека, проникнутые лучшими намерениями, широкие эгалитарные и либертарные принципы, исповедывавшиеся и дальше развивавшиеся великой стоической школой. Позднее эти принципы признавали желательными путеводными нитями даже римские законодатели и законники. Под названием "естественного права", эти принципы переходили в средние века от одной юридической школы к другой. Еще позднее, в 17-ом веке, они стали основой международного права (Гуго Грациус), закона народов, попыткой хотя-бы теоретически признать добрую часть человеческих прав. Правда и то, что те же самые законники делали все, что могли, чтобы оправдать действовавшие местные законы, выражение воли власть имущих, и стремились всеми способами нарушать естественное право. Но без этой предостерегающей идеи естественного права положение было бы гораздо хуже. Эта старая традиция неписанного естественного права была для многих исходной точкой для гуманитарной и революционной мысли и борьбы.

Несознательный анархизм, конечно, но чувство, что существующий общественный строй — только искусственное приспособление для данного места и времени, тогда как настоящим стрем был бы только справедливый либертарный строй — это чувство постоянно было у лучшей части человечества на протяжении 2,500 лет.

Всякое определенное выражение анархизма вырастало на этой почве — на почве

чувства, что существуют более высокие права и более высокие взаимные обязательства между людьми, чем привилегии и предписанные законом отношения людей в наши дни.

В то время, как ясный ум греков и римлян преодолевал уже их традиционную мифологию, соприкосновение этих народов с Востоком заразило их новым и сильным религиозным чувством. От Митры до Иисуса Христа и в течение многих еще веков человеческая мысль двигалась только в религиозном одеянии, жестоко подавляемая догмами, влиянием жрецов и государственной властью. Свободная мысль развивалась только среди, так называемых, "еретиков", а также в очень малочисленных группах научных исследователей, которые подпольно, контрабандою, добывали необходимые книги и приборы для изучения и опытов. Они поддерживали тайную связь друг с другом до тех пор, пока их не обнаруживали и не изгоняли или предавали казни.

Некоторые из них, как гностики Карпократ из Александрии (Египет) исповедывали и проповедывали свободнейшую форму коммунизма и отрицание всякого писанного закона, во втором веке. Нам неизвестно о других таких течениях на протяжении тысячи лет — периода, в течение которого только религиозные ортодоксы владели пером, писали светские и духовные документы и хроники. Только законники, стоявшие на стороне власти, заведывали гражданскими делами. Поэтому о жизни в городах, где науки и искусства, торговля, ремесла и городское самоуправление уже начали развиваться, начиная, приблизительно, с одиннадцатого века, мы знаем слишком мало.

Однако, если погрузиться в массу документов, оставленных этими темными веками, то, вероятно, можно было бы найти еще много отдельных незаметных проявлений свободной мысли, неизвестных восстаний и пр. Кстати, исследования проф. Дюшана показывают, что в ту эпоху было гораздо меньше разрушения и перерывов преемственности, чем обычно принято думать.

Как бы мало внимания ни уделяли

пристрастные законники и хроникеры этим фактам проявлений свободной мысли, как бы ни извращали ее, следы их остались. Трудно передать, до какой степени всякая писаная литература (прежде, чем книгопечатание сделало эту задачу затруднительной) была продуктом официальных, признанных патристических и религиозных служителей и защитников преобладающей власти. Вся она была враждебна каждому соседу, каждой другой нации и другой вере, с пренебрежением отнеслась к слабым и ненавидела смертельно буйтарей. Они пользовались свободой действий в течение веков и уничтожали или извращали показания в пользу другой стороны. Но тем больше показаний в пользу свободы могут дать исследования.

Так, например, после того, как было исследовано учение Амори из Бона (1204 после Р.Х.) и Ортлиба из Стассбурга, и пр., следовало бы тщательно изучить "Братьев и Сестер Свободного Духа", группу еретиков 13-го века, отрицавших всякие обязанности по отношению к существующему обществу, его законам и обычаям и ведших свободную жизнь на свой собственный лад. Также надо было бы изучить связь таких анти-государственных групп, если возможно, с религиозной анти-государственностью Петра Челсицкого, ботемского Толстого гуситского века. В смягченной форме, от Челсицкого ведут свое происхождение Моравские Братья, а от них начинаются автономные коммуны, развивавшиеся в восемнадцатом веке в Силезии, а затем в Соединенных Штатах, где они существовали при зарождении многочисленных коммунальных поселений, развивавшихся в позднейшее время и послуживших местом опыта вне-государственного социализма.

Восстание гусситов, будучи в основе своей движением националистическим, было первым сознательным агрессивным восстанием, вызванным сожжением Гусса на костре. Гусситы не пожелали быть уничтоженными подобно Альбигойцам и стали распространять национальную и социальную войну и на соседние страны. Отсюда за-

имствовало свою силу движение Анабаптистов, столетие спустя, а потом, в 16-ом веке, борьба против римско-католической церкви была поддержана государствами северной Европы, желавшими присвоить огромные накопленные богатства Церкви. Это, наконец, ослабило духовную силу религии, превращая ее в орудие государства, а в кальвинистских странах, где развивалась торговля и империализм, — в силу, оправдывавшую и вдохновлявшую войны и завоевания. Только тогда, оживленная эпикуризмом с вновь открытыми классическими Римом и Грецией в 15-ом веке, наука начала завоевывать себе право на открытое существование и в 16-ом веке сделала гениальные открытия, в 17-ом начала приобретать необходимые инструменты, в 18-ом отбросила насилие на нее надетую маску подчиненности религии (французские энциклопедисты и пр.) и в 19-ом веке пришла, наконец, к периоду зрелости.

Эти века открытий и завоеваний, восточных войн, западных войн за преобладание на континенте, религиозных войн, начала капитализма и машинизма, были веками, прежде всего, авторитарной эпохой, изменившими почти все устройство власти и администрации, государства и границы, производительность труда, численность населения и т. д., и не оставило ни места, ни возможностей для подлинно безкорыстной свободы и солидарности, объединяя население воедино только фанатизмом веры, национальностью и торговых интересов — основу еще более сильного развития в том же направлении в 19-ом и 20-ом веках.

Таким образом, в этом веке господства силы, хотя социализм не раз изображался в утопиях, начиная с 1516 г., он все же не принял либертарных черт, не стал выразителем анархических стремлений, за исключением редких случаев, среди которых некоторые замечательны и стали хорошо известны. Даже в средних веках, несмотря на их суровость, под конец стали развиваться, хотя и в узких рамках разделенного на касты общества, более свободные обычаи и более живое общение, которое виде-

ло себе угрозу в новой, жесткой и деятельной жизни начала 16-го века. В этом духе, как последний взгляд назад, на более легкую жизнь умирающей эпохи, французский священник Франсуа Рабле в своем "Гаргантюа" описал Теламесское Аббатство, где знаменитый лозунг "делай что хочешь" был основным правилом жизни, — правило "поступай как тебе нравится". Это были слова, подсказанные здравым смыслом и веселым юмором, единственные в таком духе слова, высказанные в эти века мрачного фанатизма, когда религиозная диктатура над умами, ослабевшая в обиходе позднейшего католицизма, снова овладела народами в эпоху протестантской Реформации, погоня за золотом и завоеваний новых континентов, и подавила все более прекрасные чувства.

В эту эпоху порабощение и упадок становились все хуже, по мере того, как укреплялось государство, правила бюрократии, иезуиты и их протестантские противники господствовали над умами, восстанавлившие крестьяне сокрушались повсюду и постепенно загонялись в мануфактуры, предшествовавшие фабрикам, где они образовали безприютный и лишенный собственности пролетариат. Сильный своей численностью, пролетариат сломил отосительную независимость городских ремесленников и создал деление на два только класса — имущих и неимущих.

Тогда молодой Этьен де ла Бовиз, в юго-западной Франции, (1530-1563), в своей знаменитой "Речи против добровольного рабства", опубликованной только в 1577 г., призвал к сопротивлению тирании путем отказа в повиновении ей. Этот справедливый призыв встретил и продолжает встречать пренебрежение к себе, ибо каждый продолжает делать то, что делают все, вместо того, чтобы всем отказаться от повиновения раз и навсегда. Человечество имело тогда очень мало опытов коллективного бунта — только отделение слабеев от патрициев в древнем Риме и уход их из города, остановивший всю городскую жизнь и заставивший патрициев уступить. Бовиз

написал еще один призыв. Сильвио Марешаль в 1788 г., еще раз напомнил о примере Рима накануне французской Революции. Торо в половине 19-го века выступил в защиту "Гражданского неповиновения" — только в 1930 г. мы видим индусов Восточной Индии, применяющих на практике такое восстание.

Сейчас оно, повидимому, распространяется на Египет. В Европе было с подожки таких случаев, длившихся всего дни или часы, когда режимы рушились с всеобщего согласия, когда все отказывалось поддерживать тот или иной режим. Так был свергнут Наполеон III в Париже 4 сентября 1870 г., так царизм был покинут всеми живыми силами в России в октябре 1905 г. и марте 1917 г., так немецкие королевства и княжества низложили своих властителей в 1918 г., так Испания заявила о своем нежелании поддерживать долее диктатуру Primo di Rivera в январе 1930 г. Такие редкие случаи, когда власть вызывают на борьбу и наносят ей поражение силой общественного мнения. Несмотря на героизм меньшинства и отдельных лиц, эти случаи продолжают быть редкими.

Такие действия меньшинства имеют место, главным образом, там, где нестерпимая нищета и угнетение доводят до отчаяния и вызывают бунты. Таковы бунты крестьян в большинстве европейских стран против крепостного права, а также политические восстания, местные гражданские войны из-за власти, вроде восстаний испанских федералистов и автономистов. Таковы и попытки Джерарда Уинстэяли и Диггеров в Англии (1652 г.) отнять землю у земельной аристократии, либертарных анабаптистов в Антверпене, к которым посвящена книга Георга Экхуда. В 17-ом веке некоторые религиозные секты отказались платить налоги и потребовали невмешательства в их религиозные дела. Среди этих сект наиболее замечательны квакеры, которые добились успеха ценой многих страданий и тяжелой борьбы.

В американских колониях, рядом с британской нестерпимостью, был дан высокий

пример терпимости в те годы (1654-57), когда губернатором Род-Айленда был Роджер Вильямс. Однако, именно там и в то время Вильям Гаррис, проповедывавший, повидимому, полное отрицание "всех земных властей", подвергся преследованию. Приблизительно около того же времени Плокбой в Голландии, а позднее, в 1695 г., Джон Беллерс в Англии, Роберт Уоллес (1761) в Шотландии, проповедывали конструктивный и экспериментальный социализм, т. е. социальные учреждения, основанные добровольными союзами.

Столетия прошли, прежде чем позднейшие средние века увидели — с стороны от могущественных авторитарных организаций и от железной власти обычаев и законов — постепенное развитие добровольных союзов. Некоторые из них были связаны с рыцарством и организациями министрелей (бродячих певцов. Прим. переводчика), имели в своих рядах и рыцарей, и ремесленников, связаны были с учеными гуманистами века Возрождения, с многочисленными артистами и искусными ремесленниками, с местными академиями во многих итальянских и других городах, с обществами, интересовавшимися, главным образом, естественной историей и научными исследованиями (таких обществ много было в Англии 17-го века), с оккультными обществами, среди которых в ходу было много нелепых выдумок, но которые несмело еще стремились к человеческому братству.

В 18-ом веке союзы соприкоснулись с гораздо более ясными либеральными целями франкмасонства, распространявшегося во всех странах с быстротой лесного пожара, и с Иллюминатами. — братством, имевшим весьма определенную задачу: борьбу с властью имущими. После всего этого, после усиленной подготовки умов свободомыслящими гуманистами и чрезвычайно либеральной пропагандой людей века Энциклопедистов, которые сами по себе уже представляли большую силу, как Вольтер и Руссо, — Революция 1789 года, начавшаяся взятием Бастилии, была уже неизбежным результатом. Старой власти был брошен вызов.

и она была сокрушена, в значительной степени.

До этого предела дошло коллективное усилие, но помешать установлению новой власти оно было не в силах. Эта задача была еще недостаточно понята. Люди, определенно отвергнувшие принцип всякой власти, будь то король, поп, народный вожьд или делегат, или хотя бы сам народ, пытающийся создать власть, — такие люди слишком малочисленны, слишком редки, слишком мало сосредоточены на этой великой идее.

Результат ясен: им не удалось убедить народ, и революция приняла, поэтому, авторитарный характер и окончилась военной диктатурой, Наполеоновской Империей, жестокой реакцией, периодом Реставрации 1815-1830 г.г., после которой только Июльская революция 1830 г. (замечу мимоходом, что сейчас никто, повидимому, не спешит праздновать столетие этой революции) удалось отчасти ослабить рост новой власти, но только отчасти, не больше того.

Тем не менее, не лишены интереса воспоминания о людях либертарной мысли, живших в период от 16-го до 18-го века, насколько их удалось обнаружить: ибо, как всегда, сторонники власти видели в них опасность для себя и обходили их молчанием или извращали их мнения. Авторы утопий почти все глубоко уважали авторитарные нравы окружающей среды, и только Габриэль Фуаньи в своей книге "Приключения Жака Садера, его путешествие и открытие Астральной Земли" (1676) описывает воображаемую страну без государства и законов, а население изображает душодым (гермафродиты). В других книгах общественный строй без государства и законов изображался редко, например, в книге "Человек на луне" (1648) или в "Республике философов" (1768), также в "Мондо-Савио" (1662). Крестьяне Балтики в широко распространенной книге Фенелона "Приключения Телемаха", троглодиты в "Персидских письмах" (1721), маленькая республика Абеназара в педеских книгах Г. Ф. Ребмана (1791), — все это либертарные стра-

ницы, но книги в целом не блещут передовыми идеями. Исследования, а также и случайное чтение многих забытых книг несомненно умножит это число известных нам проблесков либертарной мысли в разных закоулках. Социальная критика была уже весьма зрелой в 18-ом веке. Кроме того, свободная философская мысль и острое сознание необходимости разрушить старый строй заставляли стремиться к созданию нового человечества на совершенно новых началах.

Наиболее свободным мыслителем был Дидро, хотя он и не сосредоточил свои анархические взгляды в одном определенном произведении — чего никто еще не сделал (за исключением маленькой книжки Борка, 1756 г.) и, вероятно, не в силах был или не посмел сделать на континенте Европы. Дидро рассылал свои мысли во многих своих писаниях, в одном из которых встречаются ставшие навсегда знаменитыми строки: "природа не создала ни слуги, ни господина — я не хочу ни давать, ни получать законы". Дом Дешан, бенедиктинский монах, в восемнадцатом веке пришел к анархическим взглядам в рукописи, выдержки из которой были напечатаны только в 1865 г., и этот случай еще не вполне исследован, насколько мне известно.

Также Лессинг, немецкий классик, в своих последних произведениях, а особенно в диалоге "Эрнст и Фальк", выразил антигосударственные взгляды. Также философы Фихте, и Краузе, и Вильгельм фон-Гумбольдт в своих "Мыслях о попытке определить границы действий государства" (1792), выдвинули теорию сужения сферы государственного управления до крайнего минимума (признанного необходимым), как это сделали также Томас Джефферсон, а позднее Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер и другие в 19-ом веке.

"Оправдание природного общества" (Лондон, 1756), написанная непостоянным Эдмундом Берком, остается неразрешенным вопросом. Каждая глава ее кажется современному читателю — анархисту порицанием старого общества и пламенным восхва-

лением свободного общества. Все это объясняется тем, что автор ясно видел, как народ всегда обманывали политически и стригли социально все привилегированные сословия. Но сам Берк, вскоре после того, указывал, что его очерк имел целью высмеять передовые идеи указавшим на то, до каких крайностей и — для "респектабельного" читателя — нелепостей эти идеи доводят. Является-ли это благозвучной уловкой ренегата отвергнуть то, что он писал, когда мыслил честно, или же Берк говорит правду, и его "Оправдание" всегда было только насмешкой над всеми передовыми идеями и социальными чаяниями бедняков? Таким образом, влияние этой маленькой книжки (если она когда-либо имела его) было вскоре подорвано самим автором.

Много лет спустя, после того, как американская война и французская революция вызвали такое возбуждение передовой мысли в Англии, от Томаса Пиза до молодых поэтов — Саути, Козридаа и других, мечтавших о "Пантисократии", — (Телемееское аббатство Рабля также, повидимому, не было забыто в то время), — "Оправдание" вновь стали читать, и политические и социалистические писания 70-х, 80-х и 90-х годов, хотя и демократически — авторитарные, по большей части, также, пожалуй, содержали проблески авторитарной мысли. Следовало бы изучить эту литературу, ибо Вильям Годвин, родившийся в 1756 г., близко соприкасался с ней и она, вероятно, оставила след на его взглядах.

В то время, если не считать Дидро, не решившегося, к несчастью, высказаться за полную анархическую свободу против авторитарности Руссо и ограниченного либерализма Вольтера, не было никого, кто открыто исповедывал бы анархические идеи, вплоть до 1789 г., за исключением Сильвана Марешаля (1750-1803), парижского писателя и библиотекаря, который, начав с пасторалей и слегка эротической поэзии (1770), стал певцом золотого века пастушеской жизни в Ариадии и анархической патриархальности (1782-1784 г.г.). Но он был также наиболее агрессивным писате-

лем против фикции Бога, за что и попал в тюрьму. В его "Современных апологиях" (1788) чувствуется приближение революции, и он выступает с почти неприкрытой защитой социальной генеральной стачки и полнейшего равенства. Революция застала его на самом крайнем левом крыле, но — ни единого шага вперед: он был не менее авторитарен, чем все остальные, и не выступал в защиту подлинной свободы. Позднее, в манифесте Бабефа и других заговорщиков он написал знаменитую фразу: "исчезните, возмутительные различия между правящими и управляемыми", которую Буонаротти, авторитарный коммунист, отверг с таким негодованием в своей речи на суде по делу Бабефа, его собственному и других, когда дело шло об их жизни. Таким образом, бурные волны французской Революции увлекли с собой Сильвана Марешаля, еще ранее бросившего вызов власти и потом вернувшегося к своему идеалу, когда прошла буря, хотя зародившееся могущество Буонапарта помешало развитию его таланта до полной зрелости, а ранняя смерть унесла его в 1803 г. Можно по справедливости сказать, что то, чего он не сделал, не сделал и никто другой, — другими словами, ни один анархический голос не прозвучал во время Революции. Ни один такой голос не стал известен и, во всяком случае, не дошел до нас. Все было построено на авторитете, государственности, централизме, уравнительстве, и всякое требование автономии, федерации, дифференциации, простора и свободы считалось изменой патриотическому единству государства. Принципам равенства и повиновения декретам патриотических Законодательных Собраний, их комиссиям и всем местным комитетам.

Без сомнения, каждая фракция хорошо видела авторитарные проступки лиц, стоявших у власти, и временами это очень хорошо и погически изображалось, — например, Леклерком, из группы Жака Ру в "Друге Народа" от августа 1793 (вскоре после этого группа была разогнана), но сами критики были сверх-авторитарными людьми и сами посту-

пали также, когда приходили к власти.

Французская Революция, закончившаяся Империей, непрерывными войнами до 1816 г. и годами реакции до июля 1830 г., несомненно усилила государственную власть, заменив слабое аристократическое государство Бурбонов, государство паразитов, сильных милитаристическим государством Наполеона, который умел побеждать чужие страны и привозил в Париж их богатства в качестве добычи. Отсюда возникла басня о социально полезном государстве, которое построило наилучшие дороги, защищало ремесла и торговлю и заключало самые выгодные договоры с другими государствами. Возродился уравнительный национальный патриотизм и гордость, повиновение власти, которая в некоторых местностях выполняла полезные обязанности, устранив прежнее неравенство и произвол привилегированных.

Все это образует основу современного государственного социализма, обширные системы которого были задуманы людьми, жившими в те авторитарные времена. После 1815 г., при ненавистном строе Бурбонов, эти люди обратились мыслью к славной эпохе Робеспьера и Наполеона. Буонапарта с тем большей нежностью, что они не чувствовали уже более ее неприятных сторон — гильотину и ненасытного Молоха постоянных войн. Сознательно или несознательно, они пришли к мысли, что социализм может быть установлен декретами могущественных Собраний, что он может управляться и регулироваться верховными комитетами и, если нужно, может быть насильно введен и укреплен военными диктаторами.

Именно этот авторитарный характер социализма сделал его так мало приемлемым для человечества 19-го века, ибо сверх-авторитарный период с 1789 до 1830 г. создал стремление к либерализму и смягченным формам общественной жизни. Социализм понимали как диктатуру революционных комитетов. Разумеется, буржуазия отвергала социализм с точки зрения интересов собственности и прибыли, как тигр не соглашался бы быть посаженным на молотную дробь, — да чего и было ждать от

нее. Но одновременно возраставшие интеллектуальные силы человечества, наука и техника, так грандиозно развившиеся в 19-ом веке, — по крайней мере, часть представителей этих сил, — чувствовали влечение к либеральным формам социализма и не желали видеть его скрытых или открытых диктаторских форм. Даже Фурье остановился на полдороге, будучи либеральным по своим практическим идеям, по своему мировоззрению, и авторитарным по природе своей, ибо люди, пережившие те времена, все были отмечены. То же самое, я думаю, может быть сказано о Роберте Фурье, в котором промышленная революция Англии, с ее победным ходом машинизма, развила не менее авторитарные черты, чем французская Революция и Империя в Сен-Симоне и Фурье. Что же касается о Бланки, Кабе и Луи Блане, в которых, как энциклопах, культ авторитета был тем сильнее, чем дальше они были от личного опыта. А что сказать о Карле Марксе, который пришел после всех и жил абстракциями, к которым живое человечество должно было приспособиться, хотело оно того или не хотело?

Только один тонкий наблюдатель и острый мыслитель наблюдал начало революции во Франции и, к счастью, тут же писал свою обширную книгу (XIII и S95 стр.), прежде чем авторитарные черты Революции резко выступили наружу. Это был Вильям Годвин (1756-1836), который издал свой замечательный труд, первое полное изложение анархизма в одной из его прекраснейших форм — "Исследование относительно политической справедливости и ее влияния на всеобщую добродетель и счастье" (Лондон, февраль 1793), переиздававшееся несколько раз, хотя и в несколько измененной форме, а в последние годы только в извлечениях и сокращениях. О жизни Годвина, исследованной тщательно (не главным образом, в связи с его знакомством с Шелли, из которого "Политическая справедливость" оказала сильное влияние, оставившее следы на его произведениях) С. Киган Полем, а недавно еще Брауном и многими другими, наиболее ранний пери-

од, его исследования и опыты, давшие ему возможность написать монументальную его "Политическую справедливость", наименее исследованы и требует дальнейшего изучения. Книга дала весь ожидавшийся результат, сразу стала классическим произведением радикальной литературы и предметом изучения для всех передовых мыслителей на целых пятьдесят или шестьдесят лет. Книга была переиздана в Филадельфии (1798) и привлекла к себе значительное внимание. Издателем ее был Георг Форстер, германский ученый, совершивший путешествие вокруг земли с капитаном Куком и побудивший молодого Александра Гумбольдта посвятить себя науке. В издании принимал участие также католический мистик Франц Баадер. Первая часть была переведена на немецкий язык (1803), а Бенжамен Констан подготовил французский перевод, который не появился. Но, вообще говоря, книга не была известна в других странах и ее идеи не излагались нигде в те годы. Таким образом, в других странах публика никогда не имела возможности сравнить "анархический социализм" с авторитарным социализмом стольких других известных авторов.

В "Политической справедливости", — которую я не собираюсь здесь ни излагать, ни разбирать, — анархизм разворачивается перед глазами читателя по мере того, как автор, изучая условия более высокого человеческого совершенства, сам, по его словам, все более убеждается, что правительства — только препятствия на этом пути развития. Он видит ход умственного развития и желает строить дальше на этой же основе, постепенно приходя к свободнейшему анархическому коммунизму. Такая постепенность не есть призыв к умеренности, но предостережение против диктатуры и постоянный призыв к моральным и интеллектуальным усилиям, которые убеждали бы и пробуждали бы волю к энергичным попыткам.

Эта книга, если бы ее сделали основой серьезной пропаганды в первой половине 19-го века, могла бы стать наилучшим обоснованием анархического социализма. Это

не было сделано или было сделано не так, как следовало, и авторитарный социализм, половичатые варианты Фурье и Роберта Оуэна, получили большое распространение. Отчаянное сопротивление фабричных рабочих, душе и жизни которых угрожал машинизм, либеральная и национальная агитация на европейском континенте и движение за реформу, имевшую целью сломить парламентскую монополию британской аристократии — все это также отвлекало и поглощало энергию борцов.

Таким образом, до первых годов 19-го века анархизм существовал как интеллектуальное подпочвенное течение, начиная с эпохи древней Греции, и в форме "Полити-

ческой справедливости" создал в 1792 году замечательное по мастерству первое изложение своих целей и средств. Но как массовое движение, как революционный фактор, он еще не существовал в то время, — не по своей вине, а потому, что люди, порицание в авторитарности с незапамятных времен, в то время еще только выходили из авторитарного кризиса. Деятельный век лежал перед ними, как неисписанная еще страница. Посмотрим же, в следующей статье, что они написали на этом чистом листе бумаги.

(Продолжение следует).

М. Неттау.

27 июля 1930.

СУД ЗЕМЛИ

Человек.

О мать земля! Прими меня!

Ведь умер я... Страдал я, умирая.

Но жил роскошно, бедных угнетая!

Я даже вором был: — я грабил бедняка.

Земля.

О, бедное дитя мое, не бойся:

Забыто все. В моих объятьях успокойся!

Человек.

О мать земля! Прими меня!

Грешил я много, — раб своих страстей;

Предела не было всей низости моей.

Я глал, мошенничал, детей я обирал...

Давил бессильных, сильным помогал...

Земля.

О, бедное дитя мое, не бойся:

Забыто все. В моих объятьях успокойся!

Человек.

О мать земля! Прими меня!

Я, слабых знанием, злой ложью ослеплял,

Я, слабых волею, с пути добра сбивал,

Я дела зло для зла. Чужим страданьем

наслаждался

Всёцело личной жизни отдавался.

Земля.

О, бедное дитя мое, не бойся:

Забыто все. В моих объятьях успокойся!

Человек.

О мать земля! Прими меня!

Ты хлеб даешь людям; цветами ты покрыта,

Слезами пахарей облила...

Мне страшно говорить: убийцею я был,

И много душ за деньги погубил.

Земля.

О, бедное дитя мое, не бойся:

Забыто все. В моих объятьях успокойся!

Человек.

О мать земля! Прими меня!

Мне больно, страшно говорить,

Хоть велика твоя любовь...

Но мне пришлось... народу изменить:

Служа богатым, я деньги брал за кровь...

Земля.

Прочь от меня! В объятьях матери-земли

Предателю нет места! Уходи!

А. А. Карелин.

ВОЛЬТЕРИНА ДЕ-КЛЭИР.

АНАРХИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ

На протяжении долгих семнадцати веков, видевших поглощение большой римской цивилизации, вместе с заимствованными ею греческими идеалами, красной волною неистовствующего варварства, которое верило в победу над смертью и плевало на греческое наслаждение жизнью с великодушным презрением северного варвара, для Европы и Америки было одно великое вдохновляющее слово в искусстве и литературе — христианство. Здесь не приходится рассматривать, как близок или далек был христианский идеал, в ходе своего развития, к учению Назаретянина. Извращенный, омраченный, потускневший, он все же был слабым эхом, неясным призраком Креста, возвышением идеи самоотречения. В его формы отливались мечты разившегося варвара, он давал варвару образ для воплощения, будь то воплощение в глине, на канве или на пергаменте. Куда бы мы ни обернулись, мы повсюду видим касты, неподвижную прочность орденских организаций, беспрекословное подчинение личности, наблюдение за каждым порывом гения. Аскетические тени на всем. Нигде не пробивается солнечный луч самоутверждения. Богословский нессимизм был понятен душе борющегося человека, видевшего в нем дальнейшее развитие своих собственных суеверий. Этот нессимизм давил мечтателя, заставлял его творить безжизненные формы по установленному образцу, не такими, какими он сам их видел, а такими, каких требовали свыше предписанные цели.

Накопец, варвар цивилизовался. Он сам прошел свой путь к утонченности — и к испорченности. Он попрежнему проповедует (и исповедует) презрение к смерти — когда умирать приходится другим. Он все еще проповедует покорность воле Божьей — но с тем, чтобы подчинялись другие. Он все еще прославляет Крест — но предлагает другим нести его. Там, где стоял тщеславный и опьяневший от крови Рим — там стоят теперь Империи и Республики тех, чьи предки разрушили Рим.

Но в течение последних трех столетий мечтатели видели путь христианского идеала к банкротству. Один за другим, в меру своего дерзания, они высказывали свои мысли. Одни рассуждали, другие смеялись, третьи обращались к логике и сатире, но все, каждый по своему, чувствовали, что человечество нуждается в новом моральном идеале. Сознанный или неосознанный, в церкви или вне ее, но таков был "дух, веявший над водами". И вот он был создан и появился — тот идеал, который должен был с новой силой ударить по сердцам людей и заставить их петь более мощную песнь, чем они пели встарь. Заметьте: эта песнь должна была быть сильнее, шире, глубже, или не быть вовсе. Она должна была воспеть все, что уже было воспоето, и еще нечто новое. Ее миссия — не отрицнуть прошлое, а утвердить его и объяснить его в целом. И сегодняшний день тоже, и завтрашний день тоже.

И этот идеал, единственный, могущий заставить учащенно биться моральный пульс мира, единственное Слово, могущее оживить "мертвые души", ждущие этого морального воскрешения, единственное Слово, могущее вдохновить мечтателя, музыканта, художника пера или резца, обладающее силой воплотить свою мечту, это — анархизм. Ибо анархизм означает полноту бытия. Он означает возвращение лучезарной греческой жизни, греческое преклонение перед красотой без греческого равнодушия к рядовому человеку. Он означает христианскую искренность и христианский коммунизм без христианского фанатизма и христианской тираннии. Он означает совершенную свободу, свободу материальную и духовную.

Свет греческого идеализма померк, ибо при всей своей любви к жизни и к безграничному разнообразию красоты, при всей свободе своего интеллекта, он никогда не стремился к материальной свободе. Для него илот был не менее вечен, чем боги. Поэтому боги отошли в прошлое, и вечность их оказалась мимолетной.

Христианский идеал померк, ибо, при всем своем возвышенном коммунизме, с его доктриной всеобщего равенства, он был связан с духовной тираннией, стремившейся отлить в единую форму мысли всего человечества, клеймившей всех людей клеймом покорности, подчинявшей всех требованию жить для смерти и порождавшей все другие виды тираннии.

Анархизм победит, ибо его идеи свободы, вместе с растущим духом мятежа, приходят, прежде всего, к рядовому человеку, рабу материальных условий, и внушают ему, что и он также должен иметь независимую волю и возможность свободного приложения ее; что никакая философия, никакое достижение и никакая цивилизация не имеют значения, если они не означают, что рядовой человек получит возможность работать где он хочет и над чем он хочет; что он будет свободно получать долю того, что другие люди будут по своему выбору и желанию производить, и что он, труженик веков, станет красивым камнем здания, — тем камнем, без которого ни одно строение не может быть прочным.

Анархизм приходит к нему, боящемуся самого себя, и говорит: "Перестань бояться чего бы то ни было внутри или вне тебя. Глубоко и свободно исследуй самого себя. Прислушайся к голосам, поднимающимся из бездны, которых тебе повелевали бояться. Сам изучи, что говорят эти голоса. Научись самому устанавливать для себя ограничения. Сам оцени по достоинству эгоизм и безкорыстие, сам сделай вывод. Если выберешь эгоизм, то сам будешь делать других рабами, а если безкорыстие, то этим позволишь тиранам властвовать над тобой. Никто не может решить этот вопрос для себя так хорошо, как ты сам. Ибо, даже заблуждаясь, ты учишься, а если другой заблуждается, то вина падает на него; а если другой посоветует хорошо, то это будет его заслуга, а ты будешь ничем. Будь сам собой и путем самоутверждения учишь самоограничению. Мудрость веков заключается в повторном утверждении всех положительных достижений прошлого и в отрицании всех отрицаний. Другими словами, все, чего требовала для себя личность,

хорошо, а всякое отрицание свободы другого — плохо. Отсюда видно, что многое, чего мы требуем для себя, связано со свободой других, и от многого следует отказаться, потому что многое не влезает в пределы нашего полнотвория, тогда как многое, что считается злом, на самом деле хорошо, ибо не посягает на чужую свободу. Оно хорошо, ибо согбенным телам и узким душам даст силу и полноту здоровья, даст сияние жизни, потускневшей, как лампа в могильном склепе.

Сибариту анархизм говорит: "Научись выполнять твою долю тяжелого труда. Ты от этого выиграешь. Размышляй самостоятельно и не жалея на это времени. Разделение труда, которое из одного человека делает Мозг, а из другого Руки, — зло. Долой его".

Таков этический завет анархизма, к которому вели три века интеллектуального развития.

Тот, кто исследует развитие литературы в течение трех столетий, найдет бесчисленные отрывочные указания на моральный и интеллектуальный бунт. Сам протестантизм, утверждая верховность личного сознания, осветил длинный путь мысли, неизбежно ведущей к взрыву всех форм власти. Великие политические писатели восемнадцатого века, утверждая право самоуправления, подвинули передовую линию еще на шаг вперед. У Америки был Джефферсон, заявивший:

"Общества существуют в трех формах: 1. Без правительства, как наши индейцы. 2. Под властью, на которую каждый имеет подлежащее влияние. 3. Под властью силы. Мне еще не ясно, не является ли первая форма власти наилучшей".

Америка, или Америка вместе с Англией, имели своего Пэна, более мягко утверждавшего:

"Правительства, в лучшем случае, только неизбежное зло".

У Англии был также Годвин, который, хотя и был еще более мягким по форме и, следовательно, менее влиятельным в течение смутного времени, в котором он жил, тем не менее был радикальнее других, явившись предшественником того приложения политического идеала к экономическим задачам, которое

так характерно для современного анархизма.

“Мой сосед”, говорит он, “имеет такое же право подождать конец моему существованию с помощью кинжала или яда, как и я лишь меня той денежной помощью, без которой мне придется умереть от голода”.

На этом он не остановился: он провел идею о верховенстве личности через главные человеческие учреждения и заявил, что подобные отношения являются делом, касающимся только лиц, участвующих в них. Он говорит:

“Брачный институт есть система обмана.... Брак — закон и худший из всех законов.... Брак — форма собственности и худшая из всех форм собственности. До тех пор, пока два человеческих существа лишены существующими учреждениями права следовать зову своих чувств, предразсудок будет жить и крепнуть.... Уничтожение брака не будет сопровождаться никакими дурными последствиями. Мы склонны считать отмену брака исходным пунктом грубой похоти и извращения. Но в данном случае, как и в других, на деле выходит так, что позитивные законы, издаваемые с целью охраны от наших пороков, раздражают и умножают их”.

Важный и рассудительный стиль “Политической справедливости” помешал достижению им той большой популярности, какую заслужила книга “Права Человека”, но покоевое влияние автора сказалось в расцвете богатой фантазии Шелли и отразилось на том круге молодых литераторов, которые собрались вокруг Годвина и читали в нем своего учителя.

Принцип безвластия был поддержан также человеком, постоянно вращавшимся в официальных сферах, — человеком, чье имя часто упоминалось и консерваторами, и радикалами, то с уважением, то с ненавистью. В своей книге “О правительстве” Эдмунд Борг, великий политический флюгер, примкнул к зарождавшемуся анархическому течению своим заявлением: “Они толкуют о злоупотреблении властью, но ведь власть, власть сама по себе, есть уже злоупотребление.” Этот афоризм войдет в историю, как это часто бывает с изречениями великих людей, без

необходимого пояснения. Все уже забыли, как и почему Борг высказал такую мысль. Слова сохранились и будут жить долго еще после того, как тысячи страниц реторики, заслужившей ему эпитет “обеденного колокола Палаты Общин”, превратятся в музейную гниль.

Несколько позднее, публицист, чей блестящий стиль и способность всесторонне охватывать вопрос напоминали до некоторой степени Борга, внес в анархизм одно из наиболее часто цитируемых анархистами изречений. В своем опыте о “Джоне Милтоне” Маколей заявляет: “Единственное средство против злов вновь приобретенной свободы — больше свободы”. То, что он был сильно привержен к консерватизму, заседал в парламенте и обсуждал законопроекты, только доказывает, что он не в силах был следовать своей собственной логике. Но это не причина, чтобы и другие были нетолковыми. Анархисты принимают это важное заявление и делают из него выводы.

Но мировая идея распространялась не только в Англии, где парламентский флегматизм, хотя и поколебленный событиями конца 19-го века, все же замораживал эту идею. Она развивалась повсюду в Европе. Во Франции, Раблэ изобразил монастырь Телемее, коммуны лиц, пожелавших установить в своей среде полную личную свободу.

Руссо — как ни был ошибочен базис его “Общественного договора” — приводил в движение все, к чему он прикасался, своей верой, что человек от природы добр и может оставаться таковым и без принуждения. Далее, его “Исповедь” является наиболее знаменитым литературным предвестником тенденции, проявляющейся теперь в литературе — тенденции к самоутверждению цельной личности — не только на показ, но и ведине с самим собой, не только в вычищенных, выглаженных и вылощенных моральных одеждах, но и в мерзости, низости и глупости, раз это — бесспорные двигатели в его моральной жизни. Скрывая их и притворяясь, нельзя добиться разрешения вопроса, а можно только подделывать его разрешение. Эту истину подтвердили, в наше время, два крупных американских писателя нашего времени,

и в ней идут теперь разными путями те, кто ищет. "Я храню в себе способность на любое преступление", сказал трансценденталист Эмерсон. А Уитман, великий певец горячей крови и святости тела, отождествляет себя с пьяными гуляками и развратниками так же часто, как и с отшельниками и верующими христианами, во имя полноты бытия. В основе его идей мы найдем "Исповедь" Руссо.

Не только "Общественный договор" подвергся критике за то, что исходил из ложных предпосылок. Все ранние политические писатели, которых мы здесь назвали, также ошибались, все страдали от недостаточного знакомства с фактами. Это отчасти было результатом привычек мысли, воспитывавшихся церковью в течение семнадцати веков — привычки принимать на веру непроверенные обобщения и потом вгонять в них все добытые позднее факты, — отчасти же это в природе всякого идеализма: выражать еще не приведенные в ясность идеи, а затем предоставлять времени вносить поправки и выяснять детали. По всей вероятности, первые шаги всегда будут сопровождаться ошибками. Те, у кого недостаточно воображения, чтобы постигнуть полузаключенные мысли, тем не менее воспримут их позднее и установят их на прочном основании.

Такова задача современного историка, который, не менее, чем политический писатель, сознательно или несознательно, оказывается во власти анархического идеала и отдает ему свои мысли. Само собой разумеется, когда мы говорим об истории, мы не имеем в виду неопишущий вздор, которым наполнены школьные учебники. В общем, этот вздор напоминает мусор хронологий, эпозет, плохих картин и глухих сказок, и является поразительным примером развращающего влияния государственного заведывания воспитанием, благодаря которому посредственное, ничтожное, вызывает. История, которую мы здесь имеем в виду, это та история, которая ставит себе целью действительное объяснение хода развития человеческого общества. Среди таких попыток надо указать отрывочный, но блестящий опыт — поразительный замесел "Истории цивилизации" Бокля. Это —

труд, в котором автор решительно порывает со старыми методами писания истории, с рассказами о дворцовых интригах, о подвигах сильных мира сего, о военных парадах, и принимается за изучение условий жизни народа, за изображение его великих восстаний, за выяснение того, в чем состоит настоящий прогресс.

Гервинус в Германии, в недавние годы навлекший на себя обвинение в измене, стал применять тот же метод и заявил, что прогресс состоит в постоянно растущем упадке централизованной власти и развитии местной автономии и свободной федерации.

Дополняя эту работу историков, одновременно развивался новый род литературы, созданный духом свободного исследования. Он состоял из ряда глубоких исследований условий жизни и психологии доисторического человека, примером которых могут служить труды сэра Джона Леббока. Хотя предмет этот до сих пор еще не вполне выяснен, но мы все же узнали из них о настоящих источниках всякой власти и о факторах, делающих власть устаревшим пережитком. Кроме того, выяснен любопытный круг развития: отпавшая от отсутствия какой-бы то ни было сознательно признаваемой власти, человек проходит через различные стадии веры во многие авторитеты, доходит до веры в единый авторитет и, наконец, вновь приходит к отрицанию всякого авторитета, но на этот раз уже сознательно и разумно.

Венчая работу историка, выступает труд социолога. Герберт Спенсер, с безконечным терпением и удивительной настойчивостью работая над деталями, классификацией и обобщением, пользуется фактами, добытыми другими и из них выводит великий Закон Равной Свободы: "Человек должен иметь свободу делать то, что он хочет, с тем, чтобы, поступая так, он не нарушал бы равной свободы каждого другого человека". Раннее издание "Социальной статистики" — логическое, научное и смелое утверждение великих основных свобод, требуемых анархистами.

После утомительного напряжения, необходимого для изучения таких авторов, для нас наступают отдых, когда мы обращаемся к писателям соседней с ними области, лежа-

щей между ними и чистыми беллетристами. Писатели этой средней области заняты фактами жизни, относящимися к чувствам и надеждам человечества. Среди них мы прежде всего отметим Эмерсона, Торо, Эдуарда Карпентера. Теперь мы перестаем рассуждать о развитии свободы в прошлом и начинаем чувствовать ее, начинаем тянуться к тому, что она будет означать. Никто из тех, кто знает идеи Эмерсона, не станет отрицать, что это — интеллектуальный анархизм. С безмятежных высот самосознания Я смотрит на свои возможности, не страшась сил внешнего мира. Эмерсон, мечтавший о том, чтобы жить, подобно Торо, здоровой жизнью лесов, также был под влиянием анархического идеала, убеждающего людей отказываться от ненужной роскоши, горабощающей их и тех, кто работает на них, — отказываться для того, чтобы душа, угасающая среди шума и гама погони за богатством, могла ответить на слабый еще призыв к Возрождению в тишине, удивлении и простоте свободной жизни.

Такую же ноту берет и Карпентер в своей книге "Цивилизация, ее происхождение и развитие". — труд, который может самого "цивилизатора" заставить увидеть себя в совершенно ином свете, чем тот, в котором он привык себя видеть. И тем же трепетом пронизана книга "Город Уланной Ночи", мастерское произведение неизвестного гения, который был публицистом и поэтом слишком утонченным, чтобы привлечь к себе внимание, поглощенное громко провозглашаемыми ходячими истинами, во который любил всеми, кто ищет фиалок души, — некий Томсон, известный в литературе как "Б. В." Столь же мало известна и столь же симпатична книга "Английский крестьянин" Ричарда Хитса, — ряд набросков, так насыщенных любовью, так глубоко проникающих в души совершенно противоположных друг другу людей, изображающих их с такой нежностью и силой, что читая их нельзя не чувствовать, что перед нами человек, который действительно верит в то, во что он верит, действительно желает свободы выявления для всего человеческого духа.

Нечто Эмерсоновское, стремящееся к индивидуальным достижениям, в соединении

со страстью Хитса, можно найти в замечательной книге, слишком хорошей, чтобы стать популярной — "История моего сердца." Никогда еще не было высказано более смелое пожелание, чем это: "Я молюсь о том, чтобы найти Высочайшую Душу — более великую, чем божество, лучшую, чем Бог". В заключительных страницах этой удивительной книжечки встречаются следующие строки:

"Что какое-нибудь человеческое существо смеет применить к другому слово "нищий" — в этом для меня величайшее, самое низкое, самое непростительное преступление, какое может быть совершено. Каждое человеческое существо, просто в силу своего рождения, имеет право на землю и все ее продукты, и если не получает их, то ущерб терпит сама жизнь. И не "нищий" — о, невыразимо злое слово! — а люди с достатком — настоящие преступники. Не важно то, что бедняки непредусмотрительны, пьянствуют или грешат каким-нибудь иным способом. Еда и питье, кровля и платье — неотчуждаемые права каждого ребенка, рожденного на свет. Если общество не дает их безвозмездно — не как благосклонный дар, но по праву — тогда общество безумно. Но люди не безумны, они только невежественны."

Каждая более широкой справедливости, более высокой идеи, чем Бог, приводит к анархическому идеалу тех, кто изжил внутренне старые формы религиозной и социальной веры и нашел их недостаточными. Отсюда вспыхка Шелли:

"Ярчайшей и полнейшей жизни мы хотим".

Он был Прометеем движения, он, вольная летящая птица, носившаяся во мгле бури, певшая, умирая, сладостные песни о свободных мужчинах и женщинах. Бедный Шелли! Счастливы Шелли! Он умер, не узнав о триумфе своего гения. Но он умер тогда, когда огонь внутри его разгорался все выше и выше. При свете его он улыбался миру. Если бы он жил дольше, он мог бы умереть заживо, как Свинбери и Теннисон, старческие дни которых омрачают их яркую юность. И все же люди будут помнить:

"Медленно подходят голодные люди,
точно ночью впадающий лед,

Всвернув взоры в тех, кто манит
к угасающим огням”.

и еще:

“Пусть великий Мир несется по волнам
грядущих Смерей”.

и еще:

“Слава Человеку в вышних, ибо Чело-
век — Повелитель Сущего”.

и еще:

“Где три человека в союзе,
Там царства лишаются трех”.

Величие живого идеала в том, что все,
что с ним согласное, живет независимо от
смены его выразителей. Единный в своем мно-
жестве голос говорит языком гениев в момен-
ты их величайших вдохновений, будь то Гей-
не, с великодушным презрением пишущий:

“Ибо у Закона длинные руки,

У попов длинные языки,

А у Народа длинные уши”.

Или Некрасов, проклиная железную
дорогу, построенную на костях людей, или
Гюго, рисующий борьбу обособленного чело-
века “с Природой, с Законом, с Обществом”,
или Лордэлл, кричащий:

“Закон свят, да, но что такое закон?

Разве нет ничего более божественного,

Чем пестройные споры Конгресса — продаж-
ного, полного мяса и вина?

Закон свят, но не ваш закон — не тех, кто
хранит формы,

А закон разбивает в куски, подрывает его в
жизни и в душах”.

И еще:

“Одна вера против всемирного неверия,

Одна душа против плоти всего челове-
чества”.

Мастера драмы не отстают от лириче-
ских писателей. Они тоже переживают твор-
ческий порыв. Драма Ибсена, реалистиче-
ская, не приемлющая никаких общепринятых
правил относительно фабулы, но занятая се-
рьезными вопросами жизни простых людей,
выдвигает перед нами верховную обязанность
быть правдивым с самим собой, вопреки
обычаю и закону. Такова Нора, отвергающая
все понятия о семейных обязанностях, чтобы
“найти себя”. Таков доктор Стокман, охра-
няющий стойкость своей души от властей и
толпы. Такою должна была быть и г-жа Аль-

винг, которая слишком поздно узнает, что ее
уступки обманом разбили жизнь ее ребенка и
ее самой. Строитель Сольнес, Джон Габриэль
Боркман — все его действующие лица соз-
даны для возвеличения одинокой души. Те,
кто унижен и смят жизнью, страдают пото-
му, что не были верны себе, а повиновались
социальному лицемерию.

Гергардт Гаунтман тоже испытывает
ускоренное биение пульса: у него нет ни ге-
роя, ни героини, ни интриги. Его образы ри-
суют безголовый образ борьбы, — борьбы
рядового человека. Он начинается с середины,
кончается ничем — пока. Закончить пораже-
нием означало бы сдаться, но сдаваться че-
ловечество не намерено. Закончить победой
— значило бы упредить будущее и рисовать
жизнь иначе, чем она есть. Поэтому он ко-
нчается там, где начинается, — роном. Таковы
его “Ткачи”.

Октав Мирбо также критикует овечий
мир в “Дурных пастырях”, а Сарра Бернар
играет эту пьесу.

В Англии и Америке мы имеем другую
форму бунтарской драмы — драму дурной
женщины, как особой фигуры, имеющей пра-
во быть собой в общественной жизни. Разве
у нас нет “Второй госпожи Танкерой”, ко-
торая попадает в беду, стараясь согласовать
свою жизнь с общепринятой моралью? И раз-
ве у нас нет Заза, которая стоит тысячи та-
ких людей, как ее почтенный возлюбленный
и его почтенная жена?

Особенно свободно новый идеал стал раз-
виваться в романе, этом специальном про-
дукте 19-го века.

В одной из своих статей, отвечая Воль-
теру Безанту, Генри Джеймс защищает сво-
боду творчества совершенно в духе анархиз-
ма. Но свобода эта уже завоевана, и все фор-
мализм, от Безанта до окончания веков, ни-
когда не заставит литераторов опять надеть
на себя цепи. Но статью Джеймса стоит про-
читать, как образец правильного рассужде-
ния об искусстве. Как и другие литературные
приемы, эта новая тенденция романа идет
издалека, и странно, что устами льстеца Валь-
тера Скотта заговорил свободный, беззабот-
ный, пренебрегающий законом дух (читайте
особенно “Квентин Дорвард”), который яв-

ляется, быть может, первой формой самоутверждения, имеющей силу объявить себя против тирании обычая. Вот почему бывает, что предвестники социальных перемен часто поражают своей грубостью и презрением к хорошим манерам и, действительно, часто бывают людьми, с которыми неприятно иметь дело. Но им все-же свойственна неодолимая привлекательность, и Скотт, который был все-таки настоящий гений, несмотря на свою угодливость, чувствовал это и всегда заставлял нас любить своих поставленных вне закона героев больше всех других даже королей, к которым он относился так предупредительно.

Другой тип свободного человека показан Джорджем Борроу в лице полнокровных, смелых, живущих под открытым небом цыганок, не дающих себе труда презирать закон, но просто не обращающих на него внимания, живущих без мысли о нем.

Джордж Мередит, в другой форме, показывает сильных людей, ломающих социальные перегородки. Наш собственный Готори, в предисловии к "Красной букве", а особенно в "Мраморном Фавне", описывает пустоту жизни человека, ведущего паразитическую жизнь правительственного чиновника, и снова и снова повторяет, что силен только тот или та, кто решительно выбирает и идет по неизбитой еще тропе.

Из далекой Африки к нам доходит также голос возмущения в чудесном произведении "Мечты" О. Шрейер, и в "Одиноком охотнике". Также Грент Аллен, в многочисленных трудах, особенно в "Женщинах, которая репичлась", требует свободы для "ЖИ". Моррис дает нам свои идиллические "Вести ниоткуда". Зола, плодовитый творец навоза, увенчанного лилиями, от чьих страниц идет запах тел, работающих, развратничавших, живущих, пока слова Христа не прозвучат в ушах того, кто хотел бы отмахнуться от этих видений: "Могилы, напозненные человеческими костями и всякими нечистотами". Зола был более, чем бессознательным анархистом, он сознательно был таковым, он таким себя объявил. И рядом с ним, Максим Горький, певец босиков, поэт униженных, — каковы бы ни были его личные политические взгля-

ды и несмотря на осуждение им анархистов, все-таки является выразителем анархизма в литературе. А затем — суровый, простой и такой любящий критик, который показал миру его ошибки, но не осудил его, — человек, который первый стал на путь самоотречения и потом проповедывал его, — христианин, которого церковь отлучила, анархист, которого худшее из правительств мира не дерзнуло убить — автор "Воскресения" и "Рабства нашего времени".

Страстная ненависть и безграничная любовь — вулкан и море — одинаково требуют свободы от этой злой и унижающей тирании, называемой правительством, которая делает трубами животными всех, к кому прикасается, но еще худшими делает тех, кто сам к ней прикасается.

Что касается современной легкой литературы, то в ней много встречается журнальных и газетных статей, с отдельными проблесками наших идей. Разве у нас нет журнала "Филистеры" с его остроумным редактором, отважно заявляющим: "Я — анархист". Между прочим, он может ждать теперь посещения именем "закона против анархистов". Несколько лет тому назад, Джулиан Готори, пишущий в "Денвер Пост", заметил: "Обратили-ли вы когданибудь внимание на то, что все интересные люди — анархисты?" Причина такова: нет другого живого идеала для человека, достаточно сильного, чтобы быть интересным. Только неинтересные, скучные, не ищущие умы пользуются готовым, как пользуются они кроватью и обедом, приготовленными для них кем-нибудь другим.

Пусть этот набросок закончат два имени, стоящих за непримиримо противоположные идеи, но на общей почве, — две ярние вспышки огня, слившиеся вместе в белом луче нашего идеала.

Первый из них, Ницше, провозгласивший "Сверхчеловека", наследник мантии Макса Штирнера, блестящий риторик, гордость молодой Германии, хотевший, чтобы человек не признавал власти над собой, творцом, ни науки, ни логики ни какого иного создания своей мысли.

Последний — Уитмен, великий, всеобъемлющий квакер, чья любовь не знала гра-

ни, кто сказал наиболее униженному отверженцу общества — “Пока солнце тебя не отвергнет — и я не отвергну тебя”, и который, будь он назван поэтом, философом или крестьянином, был в высшей степени анархичен и в момент отворачивания к человеческому рабству воскликнул:

“Я, верно, мог бы жить с животными —
они так мирны и сдержанны,
Я стою и смотрю на них долго, долго,
Они не жалуются на свою жизнь.”

Они не лежат без сна в темноте, плача
о своих грехах.
Не томат меня рассуждениями об обязанностях к Богу.
Ни в ком нет недовольства, никто не одержим манией собственности.
Никто не преклоняется пред другими, ни пред теми, кто жил тысячу лет тому назад.
Никто не жеманится и не страдает за весь мир.”

ГРОЗНАЯ ВЛАСТЬ

Я—обитатель прекрасной планеты—
Свободный сын равной семьи,
Любуюсь бегом кометы,
Видел страдающий лик земли:—
В тонущем океане Эфира,
Безчисленных миров мира
С невообразимую быстротой
Катится бешено шар земной —
Весь темный в лужах крови,
Везде кости да кресты.
По ним бежали живые ряды,
Рубились, кололись и валялись в грязи.
Вдали поселения горели...
Гадкие чудовища гремели —
В хаосе визжа проносились “металлы”,
Лопались, рвались и все опустошали.
Грозна власть направляла боями,
И носился смрад и дым над полями.
И ревушие птицы летали
Над безобразным народом:
Смерть и разрушения распространяли,
И полет их озарялся пожаром.
И моря, и реки были полны
Стальных чудовищных громад,—
И стремились светлые живые волны
Смыть с лица земли кромешный ад!
Песылая за прибоем прибой,
Они зовут всех на смертельный бой!..
ВЕНЕРЕЦ.

ЖАН ГРАВ.

Слова иные, метод тот-же.

Товарищи из "Авроры",

Я только что прочел со вниманием статью товарища Меридиональ (псевдоним, означающий "южный", "южания". Прим. переводчика) на тему "Анархизм и рабочее движение." Очень опасаясь, что наш товарищ играет словами, называя анархическими такие способы действий, которые обычно применяются политиками.

"Тем хуже", говорит си нам, — "если произойдут расколы, но то, чего мы должны добиваться, это — большинства". — Может быть, у него это не совсем так выражено, но, если я его хорошо понял, это именно то, что он хочет сказать.

Может быть и устарел, но я никак не могу понять, что будет отличать нас, анархистов, от авторитарных партий и политиков, если мы будем навязывать свою волю путем большинства?

Очевидно, что лучше иметь большинство на своей стороне, но, как я уже сказал, это большинство, как только приступают к действиям, а особенно, когда мнения слишком расходятся, всегда приходит к расколам. Чаще всего такие расколы отнимают у групп возможность действовать, ибо несмотря на большинство, они слишком слабы предпринимать что-либо серьезное, и из прежних друзей люди становятся противниками, которые ссорятся вместо того, чтобы помогать друг другу.

Чтобы иметь многочисленное большинство, приходится стирать с программы яркие краски и выражаться неопределенно, то есть осуждать себя на бездействие. Как только хотят сделать шаг вперед, возражения опять возникают.

Если мы, анархисты, являемся меньшинством, то это потому, что мы стремимся создавать группы на основе программы, дающей критику всего социального механизма, его уничтожения и преобразования социального строя на совершенно иных началах. Это очень обширная программа, и

нет ничего удивительного, что она собирает вокруг себя лишь незначительное число сторонников. Да и те остаются единими лишь до тех пор, пока не принимаются слишком усердно обсуждать подробности.

Но для анархии, только что возникшей, это было неизбежно. Если мы хотим познакомиться с нашими идеями, каковы они на самом деле, то приходится уложить их в программу, дающую широкое понимание того, что представляют собой эти идеи. Здесь ничего не поделаешь, приходится подчиняться необходимости.

Но для синдикализма вопрос не так обстоит. Для рабочих дело идет о том, что бы защищаться против хозяйской жадности в современном обществе. А когда люди хотят что-либо сделать, то не следует осложнять дело, и это поняли инициаторы синдикализма.

Объединить в каждой отрасли труда рабочих, желающих бороться за свою заработную плату, за улучшение условий труда, за сокращение рабочего дня — на этой простой программе можно объединить почти всю массу рабочих данной отрасли труда, если оставить в стороне политические вопросы о том, кто республиканец, а кто радикал, умеренный, социалист и т. д. Да это и не имеет никакого отношения к вопросу о заработной плате или о рабочем дне.

Разве не благодаря коммунистам, внесшим политические разногласия в синдикаты, синдикальное движение разделилось на две или три группы, которые стали враждовать и парализовать движение?

Разве не благодаря французским анархистам, поведшим политику большинства на своем недавнем конгрессе, возник новый раскол и начнется новая полемика?

И это большинство — ложное большинство — стремясь закрепить, начало с того, что стало менять должностной состав в группах, стремясь посадить в них своих ставленников.

Редакция газеты "Либерте" была за-

менена новой редакцией, которая была ему навязана.

Как ни напрягаю я зрение, но ничего анархического во всем этом увидеть не могу.

До сих пор — и этого взгляда не заставляет меня изменить новая тактика — каждая группа, начинавшая какое-либо дело пропаганды, была вольна организовать по своему усмотрению, и если она нуждалась в представителе, то избирала одного из своих членов, без вмешательства других групп или какого-либо конгресса.

То же самое и в деле издания газет. Те, кто ее создал, считаются ее хозяевами, и они избирают своих сотрудников. Анархисты поддерживают газету, если она им по вкусу, а если нет, то предоставляют ее самой себе.

Разве эта перемена персонала не напоминает смены министерств в результате востума парламента? Новые люди занимают места тех, кто свергнут. Новые хозяева изгоняют служащих из министерств, чтобы посадить там своих братьев и друзей. А потом все начинается сначала.

Неужели, после пятидесяти лет пропаганды, мы пали так низко.

Для анархистов конгресс должен быть только и исключительно случаем встретиться, познакомиться, изложить свои взгляды и найти товарищей, которые думают, как и мы, и с которыми мы могли бы вступить в общение.

Дать конгрессу право вмешиваться в организации, это значит, пасть до образа действий авторитарных политических организаций. Нужно быть совершенно ограниченным человеком, чтобы думать, что, действуя таким образом, люди действуют как анархисты.

Во что же превращается право автономии и инициативы отдельных лиц и групп.

Конечно, под предлогом автономии и инициативы не следует доходить до распыления, не следует действовать наудачу, не заботясь о том, что делают другие, как это слишком часто бывало в нашем движении.

Нет ничего безусловного. Тем анар-

хистам, которые претензуют, что они действуют обдуманнее, чем другие, надлежит знать, когда наступает момент остановиться, когда именно становится опасным слишком далеко заходить в деле соблюдения принципа. Интересоваться только тем делом, которое начинаешь сам, тогда как такое же дело уже существует, и только ждет сочувствующих, чтобы развиваться, — это говорит о тщеславии, а не о принципиальности.

— 0 —

Это возвращает меня к роли анархистов в синдикатах.

Не в обиду будь сказано товарищу Меридональ, синдикальное движение (я не говорю: рабочее движение, ибо под таким именем существовало социалистическое движение, стремившееся освободить рабочий класс парламентскими способами) и анархическое движение являются двумя параллельными движениями, которые могут друг другу помогать, но которые имеют разные цели, хотя и родственные друг другу.

Анархическое движение имеет целью изменить все общество, бороться с его учреждениями по всей линии, чтобы очистить место для лучшего организованного общества.

Синдикальное движение имеет менее обширную задачу. Для него все дело только в том, чтобы вести борьбу против некоторых злоупотреблений в экономической области, добиться для рабочих максимума благосостояния, какого можно достигнуть в современном обществе.

Что некоторые синдикалисты мечтают о расширении этой программы, стремятся к преобразованию общества, — все это возможно. Что это стремление к более или менее полному преобразованию общества живет в душе многих синдикалистов в виде чаяний и надежд, — все это тоже возможно, но здесь нет никакой определенности, и расширение требований означало бы сокращение числа приверженцев. Если хотят достигнуть осязательных результатов, — тех, для которых создавалось синдикальное движение, то есть более гигиенических условий труда, сокращения рабочих часов, увеличе-

ния заработной платы, то этой цели и надо придерживаться, ибо только они и могут собрать массу достаточно сильную, чтобы добиться успеха.

Есть много других требований, которые синдикат может иногда поддержать с успехом, бороться с некоторыми злоупотреблениями власти, стремиться к социальной солидарности, но это далеко не приведет. Отсылаю читателей к брошюре Неттлау "Ответственность и солидарность в социальной борьбе", где речь идет об этом вопросе.

Стремиться навязать анархические идеи синдикатам, значит возобновить работу коммунистов, которые ослабили деятельность синдикатов путем раскола их членского состава.

Когда анархисты вмешались, чтобы вырвать синдикализм из рук политиканов, ведущих его к гибели, то они это сделали не в качестве анархистов, а в качестве синдикалистов, применяющих новые методы борьбы, но не меняющих цели этой борьбы. Поэтому им и удалось добиться своей цели. Если бы они вошли в синдикаты для проповеди анархии, их не стали бы слушать. Многим очень трудно было заставить себя слушать, ибо они слишком были известны как анархисты.

Более того: некоторые из анархистов стали до того чистыми синдикалистами, — сохранив, разумеется, революционные методы, — что они потеряли анархическую точку зрения и недоброжелательно поглядывали на приход других анархистов. Иногда это имело основание, ибо некоторым из наших товарищей не хватало такта, и своей неловкостью они приносили больше вреда, чем пользы тем идеям, которые хотели защищать.

Но когда я писал, что "анархизм надо оставить у входа в синдикаты", я неудачно выразился. Я хотел только сказать, что перед вновь вступающими в синдикаты стоял лишь вопрос о том, поддерживают ли они их требования и методы борьбы, применяемые для их достижения. Ясно, что убежденный человек сохраняет свои убеждения повсюду, куда бы он ни пришел, и что его

пламенное желание — проводить их. Синдикат, это такая среда, где пропаганда анархизма может дать результаты, и анархисты были бы неправы, если бы пренебрегали этим. Но — еще раз — неправильно было бы стремиться вербовать членов синдикатов только среди анархистов.

— о —

Я пойду еще дальше. Если мы, анархисты, хотим осуществить какие-нибудь пункты нашей программы, то мы должны выбрать в этой программе те пункты, которые наиболее способны объединить большее число приверженцев, могущих различаться во взглядах по всякого рода вопросам, но согласных в том пункте, который замечен для осуществления.

Вне социального разрушения, которое остается существующим путем нашей пропаганды, остается множество пунктов, которые, при настойчивости, можно осуществить в современном обществе и, осуществив их, поколебать социальные основы. Не считая того, что такая борьба приучает людей рассчитывать только на себя для осуществления своих требований.

Мне нет нужды перечислять эти пункты, каждый может понять их, бороться с злоупотреблениями власти, политическим вмешательством, может реформировать воспитание, и проч., и проч. Здесь найдется поле деятельности для каждого. Не говоря уже об экономических группировках, как, например, организациях для содействия обмену продуктов, которые, если бы идея была понята, и если бы эти группы широко распространились, могли бы, вместе с другими помочь в деле организации нового общества.

Сохранив наши чисто анархические группировки для пропаганды нашего идеала в целом, создавать группы для осуществления точно намеченных задач силами тех, кто одинаково понимает эти задачи, не тревожась различием взглядов в других вопросах, — все единственно способ действовать логически, если хотят чего-либо добиться.

Общество, атакованное со всех сто-

рон множеством мощных группировок, будет сильнее поколеблено в своих основах, чем если его атакуют группы меньшинств, и это означает приблизить революцию, ускорить эволюцию.

Работать для создания группировок, способных заменить существующие буржуазные экономические организации, значит не дать революции потерпеть неудачу. Это — первоочередная задача, и для того, чтобы с ней справиться, нужно поделить работу, — нужно, чтобы каждая группа открыла свои ряды для тех, кто согласен с ней в том особом деле, которое она предпринимает. Я не вижу другого способа прийти к че-

мунибудь. Оставаясь меньшинством, нельзя сделать что-нибудь полезное. Но и обкарнать свою программу тоже не значит получить большинство, способное сделать что либо, ибо, как только приходится точнее определить свои цели и приступить к действию, большинство начинает разлагаться.

Здесь же мы не сужаем свою программу, а только делим между собой работу.

Пусть же анархисты не теряются в абстракциях, а снизойдут до здравомыслящего рассмотрения действительности. Пусть неудача революций последних лет послужит им уроком.

Жан Грав.

ПЕСНЯ СВОБОДЫ

Нас много, как волн в океане безбрежном,
Как в поле весною цветов,
Как в сердце поэта и чутком и нежном
Сверкающих призрачных снов!
Нас много, нас много... Мы дети рассвета,
Мы дети желанной зари,
Мы молимся Богу свободы и света,
И строим ему алтари.
Чрез скалы и кручи, с восторгом и страстью,
Мы знамя родное несем—
По склонам и кручам к великому счастью,
К бессмертному счастью идем.
На светлом и радостном празднике жизни
Не будет рабов и господ,
Умолкнут проклятья, умрут укоризны,
И страх и насилие умрет!
Свершится, свершится! Свобода святая
Наденет победный венец...
О, счастье и радость грядущего рая!
...Нас много, нас много... так будем смелее
Бороться и дерзостней мстить!
И Боги не смогут огонь Прометея
В грядущих сердцах погасить!

Г. А. ВЯТКИН.

А. ХИЛКОВ.

ПОЛИТИКА И МИРОСОЗЕРЦАНИЕ

Так был озаглавлен доклад, прочитанный Н. И. Бунаковым минувшего зимой в Париже на одном из внутренних закрытых собраний Республиканско - Демократического Общества.

В этом докладе так же, как и в последующих за ним прениях, лишний раз вылилось полное духовное оскудение эмиграции. Сколько раз ее "идеологи" и "вожди" всех мастей пытались восстановить или выработать стройное и цельное мирозерцание, которое, будучи приложенным к общественной жизни, родило бы желательный для них социальный порядок. Однако все эти попытки неизменно кончались срывом в пустоту.

Так, например, лет 6-7 тому назад писатели И. Бунин и Мережковский с лафосом говорили о великом назначении, о великой "миссии" белой русской эмиграции. Но потом, вслед за этими демагогическими угождениями своей эмигрантской публике, послышался и другой толос: тогда писатели Арцыбашева, откровенно и раздраженно вскрывшего подлинную духовную сущность русской беженской массы в своей напущенной статье — "Эмигрантская воэла". Все почувствовали, увидели, что Арцыбашев прав, что эмиграция в лучшем случае всего лишь "воэла", имея которую в виду, смешно говорить о каких-то высоких "миссиях".

После статьи Арцыбашева, на время все притихли. Всем стало неловко чрезмерно хвалить "воэлу". Но мало-помалу снова началось каждение пред этой "воэлой", снова начали то злеть, то там раздвигаться демагогические ее восхваления (ведь надо же в самом деле угождать "своей публике", чтобы она окончательно не разбежалась...). И вот в прошлом году после того, что идеологи эмиграции снова с грехом пополам соборно подлихнули свою публику и с лею самих себя на высокие ходули, из зарубежную печать, снова "проскочила" статья, восстанавливая в его истинном ви-

де неприглядный облик пресловутого зарубежья. На этот раз это была статья Я. Меньшикова — "Человек за бортом", напечатанная в "Днях".

Автор этой статьи с большим мастерством вскрыл всю пошлость, бессмысленность и бессилие эмигрантской жизни. Но и после этого камня, брошенного в эмигрантскую лужу, посреди усиление надувавшихся лягушек, побежавшие было по воде круги быстро исчезли, и стоячая вода снова затонулась тиной. Снова самоотвольно заквакали и запыхтели, надуваясь лягушки — старые и молодые. Снова началось карабканье на ходули...

И одним из последних образцов такого карабканья явился, упомянутый мною выше, доклад Бунакова на одном из закрытых собраний РДО с последовавшими за ним прениями.

В своем докладе Бунаков указал на необходимость цельного мирозерцания, которое и можно было бы противопоставить мирозерцанию большевизму с тем, чтобы "увеести народную душу" к... К чему? — Вот этого-то Бунаков как раз и не сказал. В этом месте он как раз и провалился в пустоту, провалился точно так же, как в течение последних десяти лет "каменный раз на этом самом месте" проваливался всякий, кто пытался открыть какую-то новую "белую" эмигрантскую "Америку", изобрести новый "белый эмигрантский порох".

Впечатление от этого провала Бунакова было даже у лиц присутствовавших на докладе, т. е. у "своих" настолько определенным, что один из оппонентов Бунакова, — Г. М. Арнольди, — решился открыто сказать: "И должен сознаться, что доклад Н. И. (Бунакова) меня глубокого задел. Ведь выступление его не только разрешение теоретической проблемы. Доклад его имеет очень конкретный вывод и определенного адресата. Острие его направлено в нашу сторону. Ведь что, в сущности, сказал

нам И. Д. ?... " да, конечно, кое-что вы делали. Но в сущности всего этого можно было и не делать. Потому что во всем, что вы делали, отсутствовало самое главное и единственно главное, что придает цену и обуславливает успешность политической работы. В ней отсутствовало внутреннее горение. И отсутствовало потому, что горение обусловлено наличием мирозерцания, а у нас нет мирозерцания".

Все лица, принявшие участие в презентациях по этому докладу, конечно, ясно почувствовали, что никакого цельного и последовательного мирозерцания у эмиграции нет и быть не может. И потому некоторые из оппонентов Бунакова сошли за самое благодарное более не демонстрировать свою слабость, свое идеологическое бессилие в тщетных, напрасных попытках обрести наконец более или менее глубокое и цельное мирозерцание, а просто удовлетвориться подчеркиванием своих чисто политических задач, сводящихся к установлению в России любезного их сердцу буржуазного порядка. Собообразно с этим и "Последние Новости" И. Милокова, откликнувшись на этот доклад Бунакова передовицей, носившей тоже название, что и доклад, тоже предпочли отмахнуться от исканий цельных мирозерцаний и похвалили тех республиканских демократов, которые отказались от "витаний в безответственных облаках" (оказывается, есть и такие облака...) и установили такое отношение к социальному вопросу, которое "отличается достоинством приспосабливаемости к жизни" (какого рода эта "приспособленность" буржуазных демократов — догадаться, конечно, не трудно...).

В общем же на этот раз, в связи с упомянутым докладом, создалось впечатление, будто в некоторых кругах эмиграции стало, наконец, созреть сознание неужности и бесплодности всяких попыток выработать некоторую положительную, отличающуюся "мирозерцательной глубиной", идеологию. И единственно в чем в этих кругах, по понятным причинам, не хотят пока ни пред самими собой, ни тем паче, пред посторонними людьми открыто сознаться это в том, что

бесплодность, неужность, даже вред таких попыток — исканий определяется существом тех политических и социальных заданий, которые ставит перед собою эмиграция. Ведь не всякое задание, не всякое стремление, не всякое хитение можно облекать в пышные философские формы, как не всякую птицу можно разить в навливы перья.

Непривлекательная сущность эмигрантских заданий именно такова, что она исключает возможность расширять и углублять общие философские и социальные вопросы. Лишь при лицемерном упрятывании этих заданий либо под формулой "непредрешенчества", либо в чужд и чужды мистики возможна еще в эмигрантской среде выработка всяких дешевых мирозерцательных суррогатов. Но там, где от "непредрешенчества" эмигрантские идеологи считают нужным по тем или иным соображениям отказаться, там, где таким образом начинают обнажаться в их истинном виде эмигрантские стремления и возжелания, там естественно уж более нет ни возможности, ни надобности выработать эти мирозерцательные суррогаты.

Один из оппонентов Бунакова (М. В. Вишняк), доказывая, что РДО не должно вести "семинарии по мирозерцанию", закончил свою речь словами: "Ина слава Монпарнассе". Ина слава — РДО". Как известно, на Монпарнассе, в Париже, имеет своего рода религиозно-философский центр, в котором оказалось сгруппированным значительное число русских профессоров и священников — богословов, ставящих себе одной из главных задач руководство интеллектуальной и духовной жизнью подрастающей за рубежом молодежи. Этот Монпарнассе все еще всерьез избегает "предметно" затрагивать жизненные (и следовательно в первую очередь — социальные) вопросы, и потому, не в пример РДО, до сих пор сохраняет способность занимать всевозможными отвлеченными "мирозерцательными" построениями. Ограничиваясь общими, религиозно-философскими формулами, не приводя их ни в какую связь с действительной жизнью, нынешние русские

монархизмы могут делать то, что стало уже совершенно невозможно для присяжных зарубежных политиков, например, для деятелей РДО, окровенно обнаруживающих то буржуазно - воронье свое естество, которое уж слишком нецелесообразно в цветистые перья зовышенной философии...

Но, хотя таким образом и справедлива оказывается формула: "Ина слава Монпарнасу, ина слава — РДО", — все же надо признать, что подобное разделение вовсе не является в действительности разрывом, расколом различных эмигрантских групп по существу; нет, в действительности перед нами лишь своего рода разделение труда, полнотное разграничение поля деятельности, сфер влияния, которым достигается то, что несоответствие между пошлыми, грязенькими политическими заданиями эмигрантской буржуазии с одной стороны и цветистыми, пышными словами некоторых ее духовных вождей с другой стороны делается менее заметно, менее одиозно.

До тех пор, пока судьбами эмиграции ворожили ее крайне правые элементы, разлившие в кучу все без разбора: и свои реставрационные и реституционные вожделения, и сладчайшие словеса о Боге, о религии, о духе, и провозглашение святости национализма, и покорное расластывание пред покровителями - магнатами интернационального капитала и т. д.; — абсурдность и одиозность этой смеси была для всякого мало-мальски искреннего и честного человека настолько очевидна, что он не мог надолго ею удовлетвориться и при ней остаться. Но когда политика и идеология стали в эмиграции дифференцироваться, разграничиваться, тогда стало гораздо легче прятать противоречия, прятать несоответствие красивых слов с грязными делишками и подленькими стремлениями.

"Кесарево" и "Божие" оказались так искусно поделенными и разграниченными (буржуазному "Кесарю" отдали всю жизнь, а Богу и оставили свечку с поклоном), что политики совершенно избавились от необходимости согласовать свою деятельность с более или менее достойными этическими пор-

мами, а служители "Бога" (?) окончательно освободились от обязанности ясно и определенно решать не только "небесные", но и земные вопросы.

Первые получили возможность "с чистой совестью" вести самую грязенькую политику на том основании, что осуждающие такую политику, моральные и философские нормы более не входят в их компетенцию. Вторые же, делая и сохраняя святое лицо, тоже получили возможность ничем не стесняя проводить такую политику, ибо, согласно их "смирненному" заявлению, в их компетенцию не входит политика. Словом, и их обоюдному реакционному удовольствию, у одних осталась одна лишь аморальная политика, а у других — аполитическая мораль. И в результате и те и другие, сохраняя приличную видимость, сваливая с себя всякую ответственность, дружно работают в одном и том же направлении: в направлении восстановления или укрепления буржуазного строя.

— 0 —

Если бы у эмиграции над всеми побуждениями не доминировали с такой несокрушающей силой реакционные и реституционные стремления, то отыскание цельного, глубокого мирозерцания, о необходимости которого все же нет-нет да проговариваются некоторые эмигранты (которым делается вдруг не в меру уютно и дышать одной лишь пошлостью собственной жизни), стало бы делом вовсе уж не таким трудным, ибо суть этого дела возле не в открывании каких-то неизвестных, таинственных "Америк" и вовсе не в изображении каких-то неизвестных, чудесных "порохов", но в честном, искреннем признании тех истин, тех руководящих социальных принципов, этических норм, которые уже давным-давно целый ряд десятилетий, находятся у всех на виду.

Если не теряться в подробностях, в деталях, если не заслонять главного второстепенным, если не обострять чрезмерно вопросы о путях и методах, то придется признать, что "Америка" давно уже открыта и "порох" давно уже изобретен, и что теперь остановка только за тем, чтобы не торгуясь

до бесконечности насчет стоимости билета, "сесть и поехать" в "Америку" и не выбирая за окошко "порох", заложить его в свою "руشنенку" и налить "до победного копанья".

И лишь тогда, лишь в процессе движения и делания, лишь в процессе "пальбы" по намеченной цели, а не в бесконечных препирательствах, спорах и гаданиях на кофейной гуще, можно будет находить и выбирать кратчайшие пути, устанавливать точные прицелы, совершенствовать "порох".

Но пока присяжные "идеологи" и режиссеры, а также всякие "обиженные судьбою" пророки и честолюбцы, вместо того, чтобы хоть что-нибудь делать, хоть как-нибудь делать, ограничиваются тем, что для оправдания своего сидения на месте, убивают время в спорах: как лучше добраться до "Америки" — через Марс, или через Луну? И как лучше пользоваться "порохом": в смоченном или потопленном виде?

Внося "Америку" за "Млечный путь", бросая остатки своего "пороха" в воду, эмиграция, разумеется, обрекает себя, уже вполне сознательно на полное бесплодие и просто бездействие, поскольку речь идет или может идти о приближении общества к более справедливому и совершенному социальному строю.

Способность двигаться, способность что-то делать возмражается к ней, к ее духовным вождям лишь с окончательной заменой всяких идейных "Америк" тою низкопробною активностью, при которой облезлый, немалозначительный и звякающий эмигрантский возмещается развужданными реституционными страстишками и реставрационной похотью по ухабам, вдоль и поперек изъезженных, задворок старого капиталистического строя.

И потому в конечном счете, когда наиболее честные эмигранты, доведенные до отчаяния и до тошноты пошлостью собственной жизни, не будучи более в силах ее выносить, ставят, наконец, в предельном отчаянии вопрос о мирозерцании, о подлинном смысле и целях достойной человеческой жизни, — они вынуждены бывают признать, что ничего этого, ни смысла, ни цели жи-

ви, ни мирозерцания, — у них нет, и что все это есть, пожалуй, только у их противников, врагов, — ненавистных им большевиков...

И вот тут перед нами достойный быт отмеченным "парадокс жизни": в то время, как буржуазия, стремящаяся себе присвоить монополию на всяческий идеализм и на всяческую "духовность", устами наиболее откровенных своих представителей (как, например, Бунаков) на десятом году своей "жесточной" зарубежной работы начинает вдруг в приподнятых тонах говорить о необходимости **обрести** цельное мирозерцание (т. е. признаются в том, что пока у нее его нет...), в это время материалисты — большевики получают признание в том, что у них цельное, определенное мирозерцание есть.

Последнее эмиграции, конечно, очень очень не нравится. Но было бы наивно думать, что оно не нравится ей в силу того, например, что в него включено признание насилия и ненависти к врагам, как одного из неизбежных, наиболее радикальных средств достижения намеченных целей. О, нет, конечно, вовсе не признание насилия неприятно эмиграции в мирозерцании большевиков, ибо она-то как раз и подняла культ насилия, "меча", государственного принуждения на предельную высоту. Устами таких своих "идеологов", как Н. Бунин, ведавшего когда-то о высокой "миссии" белой эмиграции, она договаривается даже до утверждения понятия "святой мести". Если не закрывать на это обстоятельство глаза, станет ясно, что единственно что отталкивает на самом деле эмиграцию от большевицкого мирозерцания это — включение в него того общественного смысла, тех социальных целей, которые были всегда нервом всякого искреннего, социального идеализма.

За редчайшими исключениями (пожалуй, за исключением одной лишь ничтожной кучки последовательных "толстовцев") насилие и принуждение, революционное или контр-революционное устранение своих противников, т. е. по существу — власть и властвование, признаются всеми людьми: в этой

области расхождения если и имеются, то лишь по недоразумению или по лицемерию. В действительности же, подлинное различие начинает возникать лишь при установлении целей, ради которых насилие, т. е. власть и властвование, должны применяться. И это различие постепенно все более и более углубляется по мере того, как оно из плоскости словесных упражнений переходит в плоскость практического политического делания, а из плоскости этого делания переносится еще глубже — в область самых глубоких, интимных психологических переживаний, внутренних притяжений и отталкиваний.

И вот тут, при установлении подлинного различия и подлинных граней, нельзя не отметить тот факт, что, подобно тому, как интернационалисты - большевики оказались на практике собирателями России, тогда как националисты и патриоты ее "жертвенно" разваливали и разбазаривали, — подобно этому материалисты - большевики на деле опять-таки явились собирателями, выразителями и носителями того "духа", того идеализма, который окончательно растекался меж пальцев у патентованных идеалистов.

И если с одной стороны нельзя закрыть глаза на тот факт, что, признавая необходимость насильственного устранения зла, насильственного установления своей ("народной") воли почти никто по существу не свободен от духа того "диктаторствования", принудительного (т. е. государственного) навязывания своих желаний некоторому большинству или меньшинству того, одним словом, властвования над внешним миром, которое постоянно ставится в вину большевикам, то с другой стороны надо указать и на то, что в себе самом большевизм, догматически исповедующий господство среды над человеком, в действительности, на деле, носит в себе также и тот дух инициативного, преодолевающего влияние среды, творчества, с которым я писал в своих предыдущих статьях, говоря о наиболее характерном для подлинного анархизма начале. Человек, являющийся носителем этого начала, этого духа, перестает тащиться "на

буксире" у всяких возаков и у внешних обстоятельств; он не ждет того, чтобы его гнали (люди или обстоятельства) куда-то (куда — он сам хорошо не знает), но сам свободно рвется вперед, свободно строит и создает новые, положительные ценности.

Примером такого свободного, т. е. по существу — анархического, не рабского, не вынужденного, но — добровольного, творчества является, несомненно то совершенно исключительное социальное движение, полное энтузиазма, которое получило в Советском Союзе название — Социального Соревнования.

Социальное соревнование, т. е. свободное инициативное, идеалистическое по своей природе, по своим психологическим основам, творчество является тем единственным началом, из которого может родиться анархическое общество, строящее свою жизнь, так сказать, не за страх, но за совесть.

Таким образом, если с одной стороны из-под обветшавших покровов патентованного "идеализма" все явственнее выглядывает теперь похотливая рожа старца Распутина, то с другой стороны из-под натянутых и лопнувших внешних покровов молодого материализма все определеннее и настоячнее пробивается к жизни вечный, неистребимый, подлинный идеализм.

Ветхий, патентованный "идеализм", сделался теперь теми ширмами, за которыми прячется теперь вся человеческая плотская похоть. Пресловутое возвращение русской буржуазии к религии и мистике является лишь вариантом распутищины. Под "благодатной" личиной эмпиризмудрия, целомудрия и любви трясущиеся эмпирически лапы жадно тянутся к чувственным, плотским утехам.

Материализм же является тем новорожденным красным кусочком мяса, в котором как будто еще нет ничего "человеческого", но в котором рано или поздно невидимое, духовное восторгается над видимым и осязаемым.

Объявив догматически зависимость человека от окружающей среды, атеисты материализма на таких примерах, как "соци-

альное соревнование", сами доказывают как раз обратную зависимость, т. е. зависимость среды от человека.

— 0 —

Доклад Бушакова, наставившего о необходимости обретения цельного мирозерцания, явился не просто лишь указанием на полную духовную нищету эмиграции, но и признанием того, что борьба с большевиками велась и ведется на самом деле вовсе не на основе столкновения различных мирозерцаний, ибо в этой плоскости у эмигрантов — ноль, — но на основе отстаивания последними своих похотливых, "духовно" — распутиных вождений.

Вожделения эти и физически и духовно стоят преградой на путях, ведущих к тем целям, которые всегда указывались положительным социальным идеализмом. И если силы, ведущие борьбу с этими вождениями, формально и порывают с некоторыми "духовными" принципами идеализма, то все же нельзя не настаивать на том, что фактически, на деле, именно они, — силы "материалистические" — являются теперь действительными преемниками, наследниками и выразителями этого идеализма, в его существеннейших чертах.

Жизнь, реальная жизнь не укладывается ни в какие отвлеченные, теоретические схемы и рамки. "Материализм" и "идеализм", "материя", "дух", "насилие", и "свобода" и т. д. все это — часто ничего не значащие слова, оболочки, в которые можно вкладывать любое содержание. И нередко это содержание стоит в полном противоречии со вмещающей его оболочкой.

Вот почему, признавая относительную нужность и важность всяких теоретических

построений в социальной философии, в то же время необходимо главное внимание обращать не на них, не на слова, не на оболочки, не на рамки, но на те побуждения, на те чувства и на те стремления, которыми в действительности одушевляется жизнь и деятельность человека.

В №12 "Пробуждения" была напечатана очень интересная статья Рубакина, в которой автор с большим мастерством указал читателю на "слобесное болото", постепенно засасывающее человека с головой. Исповедывание патентованного "идеализма", эмигрантские искания всяких цельных "мирозерцаний" и являются одним из примеров таких словесных трясины, избегать и огибать которые рекомендуется всякому, кто не хочет стать жертвой бесславной гибели — полного духовного разложения.

Подлинный идеализм, конечно, нестерпим, но для своего проявления, для своего распространения, для питания всей окружающей жизни, он должен явиться на землю воплощенным в плоть и в кровь. И если бывают периоды, когда он как-будто исчезает, то он должен вновь прийти на землю хотя бы в виде бесформенного, красного, кричащего кусочка мяса: он должен вновь "воплотиться", прийти во плоти, хотя бы в темной пещере, в убогих яслях, и лишь тогда, постепенно развившись, он обретет ту царственную власть среди людей, которой титано (к счастью) домогается лицемерный, торгашеский "идеализм" распутинского типа, обративший храмы всех истинного типа, обративший храмы всех истинного типа.

А. ХИЛКОВ.

М. НЕТТЛАУ.

К предстоящему конгрессу либертарных синдикалистов в Мадриде.

Два конгресса в текущем году укажут позицию, занятую организованными рабочими перед лицом грозно растущего ухудшения условий труда, в момент, когда общее число безработных достигло пятнадцати миллионов человек. Один уже состоялся в Стокгольме 7—11 июля. Это был конгресс Международной Федерации Тред - Юнионов, представлявший 13½ миллионов организованных рабочих, — так называемый Амстердамский Интернационал, ныне переносивший свое местопребывание в Берлин. Другой конгресс состоится в ноябре. То будет конгресс гораздо менее значительной, да и вообще совершенно иной организации — Интернациональной Ассоциации Рабочих, анархо-синдикалистской Федерации автономных организаций, основанной в Берлине. Первые ее конгрессы собирались в Амстердаме и Льеже (Бельгия). Предстоящий — четвертый — ее конгресс соберется в Мадриде. Это признак, что некоторая свобода действий восстановлена, наконец, в Испании, после падения диктатуры.

Стокгольмский конгресс был тягостным зрелищем, показавшим все возрастающее число связей между реформистскими организациями и аппаратом, созданным государством для контроля над рабочим движением, — связей с той бюрократической сетью, которая объединяет рабочих вождей, политиков, государственных чиновников, представителей фабрикантов и опять подчиняет рабочих капиталу и государству, после нескольких поколений независимого профессионального движения, созданного нецелю тяжелой борьбы и больших жертв. Только отдельные лица и группы могут здесь делать успехи, — те, которые намеренно поставлены во главе, которые переходят на сторону врагов Труда и образуют класс рабочей бюрократии, пытающейся связать рабочее движение с капитализмом и государством, но в лучшем случае приводящей только к застою и тушице, при чем для объяснения притеснений рабочих пускаются в ход лицемерные

фразы и рекомендуются уступки капиталистам. Отсюда труду ничего ждать, и было бы только потерей времени, если бы мы стали здесь разбирать тактику этой бюрократии, как на этом конгрессе, так и в других случаях, где она прикрывает свое отступление громкими фразами.

Н. А. Р. (на-латинских языках обозначаемая A. I. T., а по-немецки — I.A.A.) — в настоящее время единственная синдикалистская организация, которая безорыстно работает против этой полной сдачи дела организованного труда. Ибо те рабочие, которые не склонны к анархизму и не знают его, а только испытывают отвращение при виде упомянутого зрелища и стремятся к более прямым действиям, втягиваются в коммунистические синдикалистские организации, а там все они превращаются в орудия московской политики. Добровольные, а иногда и совершенно официальные представители Москвы дают им и отменяют приказы, а когда они их не выполняют в точности, то выбрасывают их из организации. Отсюда стало возникать новое международное организационное течение исключенных и недовольных коммунистов, сильных в критике большевистской тактики, но неспособных сделать что-либо собственными силами и только мечтающих о благородной и очищенной диктатуре. Если бы, например, Троцкий, ударил в набат и позвал их, то большая часть их с радостью пошла бы за ним. Таким образом, куда бы мы ни повернулись, очень мало теперь осталось утешительного помимо Н. А. Р., — только несколько французских синдикатов по старой традиции, и в силу старых симпатий остающихся внутри Генеральной Конференции Труда, не смотря на то, что большинство этой некогда столь знаменитой организации стало реформистским, — да еще может быть, секции I.W.W. на американском Западе, о которых мало слышно теперь в Европе. Только эти организации сохраняют старый дух и свободны от симпатий к диктатуре.

Н. А. Р. сильна, главным образом, в тех странах, которые были настолько счастливы, что не были вовлечены в мировую войну. Там сохранилась нормальная жизнь, а положение, созданное большевизмом, после непродолжительных осложнений, стали обсуждать спокойно и критически. Таковыми странами являются Швеция, Голландия, Испания и Аргентина. Начавшаяся из Аргентины пропаганда в латиноской Америке достигла Мексики, имела результатом созыв конгресса в Буэнос-Айресе в мае 1929 г. и создание Континентальной Американской Организации, распространившейся на большинство стран от Мексики до Аргентины.

Н. А. Р. включает также итальянских и германских синдикалистов — Ф. А. Ю. Д. и Синдикальный Союз португальских синдикалистов и маленькие группы во Франции, имеющие много сочувствующих им, но не желающих порывать со старой Генеральной Конфедерацией. Если исключить Англию, Соединенные Штаты, Канаду, Южную Африку, Австралию, где старые юнiony являются спокойными пристанями, которых не желают покидать немногие либерально настроенные рабочие, то Н.А.Р. имеет довольно широкое распространение, и все, кто против открытого реформизма и коммунистической диктатуры, оказываются в сфере ее влияния и рано или поздно вступают в нее.

Такая либертарная синдикалистская организация уже однажды существовала в виде наиболее передовых федераций первого Интернационала, около 60 лет назад — Бельгийская, Юрская и, прежде всего, Испанская Федерация. До их возникновения рабочие союзы были только организациями для повседневной борьбы, самозащиты и нападения, но они были проникнуты социально-революционными стремлениями и считались первыми организациями для социалистической пропаганды и революционной борьбы и фундаментом для преобразования общества.

Испанская Федерация видела в этих местных союзах организацию, которая должна заполняться местными рабочими всех ро-

дов труда и их делегатами, образующими местный совет Свободной Коммуны. Войдя в федерацию с однородными юнionyami по всей стране, они могли бы образовать территориальную производственную организацию в данной области труда. Затем, — как это указала Конференция в Валенсии в сентябре 1871 г., сделавшая об этом доклад Лондонской интернациональной конференции в специальном меморандуме, Коммуны каждой страны образовали бы Территориальную Федерацию, и Федерация секций Труда могли бы федерироваться в международном масштабе с федерациями в других странах. Тогда международный аппарат для преобразования производства, распределения и общей связи был бы создан. На это предложение Лондонская конференция, где преобладали марксисты, не обратила почти никакого внимания. Меморандум остался похребенным в бумагах Энгельса, среди которых я открыл его в 1927 г. и, позднее, опубликовал.

Испанская Федерация, которая начала широко развиваться в 1873 г., была лишена возможности открытого существования правительственными преследованиями в январе 1874 г. и вынуждена была уйти в подполье, в качестве тайной организации, до 1871 г., — что вызвало сокращение числа ее членов с 50,000 до 30,000. Затем, после политической перемены, когда открытое существование вновь стало возможным, от 50 до 60,000 рабочих вновь организовались в 1881-2 г.г., вдохновляясь совершенно теми же идеалами. Однако, после голода в Андалусии, брожение и местные столкновения в 1882-3 г.г., приведшие к повышению летальных жертв в 1884 г. и к сокрушительным местным гонениям, суровым судебным приговорам и пр., дальнейший прогресс организации был остановлен и, наконец, в 1888 г. она решила перейти к другим методам организации.

В других странах годы реакции и кризиса, последовавшие за событиями 1871 г., разделили ряды анти-авторитарной части Интернационала. Оставшиеся члены сосредоточили свои усилия на прямой пропаганде

де своих идей и, спустя несколько времени, на революционном действии. Авторитарная же часть стала откровенно социал-демократической и, в рабочих вопросах, чисто-реформистской. В 90-х годах во Франции многие, видевшие насквозь игру политиков, стали отвергать избирательный социализм. Движение в пользу генеральной стачки, пример мужественной позиции анархистов и пр., привели к возникновению революционного синдикализма среди умеренных и мало активных элементов. Но даже и в то время этот революционный синдикализм Генеральной Конфедерации Труда, созданной в 1895 г., стал действительно живым в этой организации лишь с конца 1900 года и затем, на много лет, приобретает очень большое влияние. Однако, признаки упадка стали заметны еще за несколько лет до войны 1914 года.

В наши дни трудно представить себе рост надежд, связывавшихся с собиранием в синдикатах сил труда и их приступом к действиям, начиная с 1895 года. В то время генеральная стачка, прямое действие, саботаж, стали общедоступными словами среди многих групп пробуждавшихся французских рабочих. Представление о том, что великий социальный переворот приближался, и что Конфедерация была не только организацией, руководившей борьбой с целью лишить буржуазию поддержки рабочих, но что ей предстояло стать фундаментом, прообразом и формой будущего общества, — эта идея пускала корни в широких массах ревностных синдикалистов. Это настроение не мало усилилось, благодаря удачно нанесенному удару электротехников, выигравших стачку благодаря тому, что они выключили свет в театральном Париже на несколько часов, и тем заставили предпринимателей немедленно принять их условия. Утопия "Как мы сделаем революцию", написанная Эмилем Пато (как раз состоявшим секретарем электротехников и Эмилем Пуже), главным основателем и мозгом Конфедерации и одним из наиболее известных анархистов), опубликованная в ноябре 1909 г., в классической форме подводит итоги этим ча-

вшим и упованиям синдикалистов.

Однако, два фактора прервали победный ход французского революционного синдикализма. Один из них состоял в том, что эта сила убежденности, готовность и стремление к действиям отсутствовали в других группах рабочих, а силы для пробуждения в них таких настроений были недостаточны. Так как все оттенки мнений, как передовые, так и умеренные, как революционные, так и реформистские, встречались вместе в одной и той же организации, и нередко в организациях создавались большинство и меньшинство, то пришло время, когда революционеры, преобладавшие в начале благодаря своему таланту и энергии, оказались подавленными численностью умеренных элементов.

Другим фактором была возрастающая самоуверенность синдикалистов, выдвигавших лозунг: "синдикализм сам себе доволен". Другими словами, все, что находилось вне синдикализма, рассматривалось, как ненужно или устаревшее. Социализм и анархизм отменялись в сторону, как ненужные препятствия. Стала культивироваться узкая исключительность, которая на деле привела к оторванности, обеднению умственных интересов, к гипнозу исключительно экономических целей. Таким образом, реальная сила не возростала, а скорее наоборот, ибо умеренные, сначала несколько озадаченные, вскоре оправившись от смущения и использовали ошибки своих сотоварищей по организации. Интеллектуальная помощь, которую оказывали подымавшемуся синдикализму лучшие из социалистов и анархистов, стала сокращаться, ибо им дано было понять, что эта помощь более не нужна.

Подобно тому, как во Франции связь реформистов с революционерами в одной и той же организации фактически выдохлась, работу Генеральной Конфедерации, превратив ее, путем посылки делегатов на конгрессы, конференции и в комитеты, в парламентский и правительственный организм, с партиями и назначенными партиями чиновниками, — так и в международном профессиональном движении, где Конфедерация

стояла в стороне от социал - демократических рабочих союзов и других подобных организаций (почти все они очень умеренны) во многих других странах. Результатом была не только полная бесплодность таких связей, но и постоянные трения и взаимное сердечное отвращение.

В наше время трудно представить себе, как такая видимость сотрудничества внутри одной и той же интернациональной организации вообще могла возникнуть, ибо оно с самого начала было обречено на неудачу. После Гаагского конгресса 1872 г., Гентского конгресса 1877 г., Парижского, Брюссельского, Цюрихского и Лондонского конгрессов с 1889 до 1876 г., стало очевидным, что политические социалисты и анархисты не могут работать вместе внутри одной и той же организации, ибо обязательное принятие парламентской борьбы и всех форм реформизма, навязываемых авторитарными социалистами, сделало это невозможным для анархистов и революционеров. Как же, при таких условиях, Генеральная Конфедерация Франции могла же принадлежать к интернациональной организации, значительное большинство которой было резко враждебно всем теориям, выразившим убеждения, опыт и революционную волю анархистов и таких социалистов, которые окончательно отвергли парламентскую тактику, как это сделали многие во Франции в те годы. При этих условиях только возникала личная вражда, вырождавшаяся в те годы перед войной, в национальные предрассудки и немало содействовавшая запуску синдикализма в момент наступления войны.

Хотя французский синдикализм много сделал за время с 1895 до 1914 г., но и список упущенных возможностей был велик. Синдикализм вызвал искреннее и пламенное восхищение почти во всех странах Европы среди серьезных социалистов, тред-юнионистов и анархистов. Возникшие местные движения встретили большие затруднения, ибо не только существовавшая власть больших реформистских организаций, но и их глубокая враждебность стояли поперек дороги. Тем не менее, большие организации созда-

лись на этом пути, в Голландии, Швеции, частью в Швейцарии. Существовавшие там организации сблизились с синдикализмом в Германии и Италии. Обещающие начинания возникли в Англии и Ирландии, где большие симпатии привлек к себе также и американский пример Ай-Доббля-Доббля.

Что касается Испании, то представляется, что Генеральная Конфедерация Труда могла бы стать стержнем хребта нового общества, было признано полезней еще в 1888 году. Стали появляться новые формы организации, показавшие свою силу и пригодность во время Каталонской генеральной стачки в 1890 г., в Барселоне в 1902 г., а также во время "красной недели" 1909 г. в Барселоне. Таким образом, испанским синдикалистам не многому приходилось учиться у Генеральной Конфедерации.

Таким образом, дружественно настроенных либертарных синдикалистов было достаточно по всей Европе в ту эпоху, между 1895 и 1914 г.г., а также убежденные анархо-синдикалистские элементы Испании и Аргентины и отвергавшие все компромиссы социально - революционные элементы в Соединенных Штатах. Теперь я удивляюсь, почему все они не соединились в интернациональную организацию, которые могли бы сделать значительно больше, если бы они представляли передовую часть рабочего класса и были ее выразителями. Они сделали бы больше, чем Генеральная Конфедерация, в ее кругу - сладких отношениях с реформистами внутри больших реформистских организаций, к которым она принадлежала. Этот вопрос я рассмотрю ниже. Сейчас я хочу только напомнить о почти забытом факте, что под влиянием испанской революционной стачки 1902 года и вызванных ею симпатий среди британских тред-юнионистов, а также под влиянием жившего в то время в Англии пламенного испанского анархиста Таррида дел Мармоль, Петр Кропоткин помнил о новом и подлинном Интернационале в июле 1902 г. Этот вопрос был после этого поставлен в Испании Ансельмом Лорено и другими, и подвергнут дальнейшему обсуждению в письме Кропот-

пина, которое будет воспроизведено и снабжено пояснениями в Кропстинском Сборнике, имеющем появиться в феврале 1931 г.

Однако, насколько мне известно, ничего в этом направлении не было сделано. Таким образом, до 1914 г. и во время войны, а также в течение некоторого времени после войны, собрание синдикалистских сил не происходило, хотя после войны эти элементы стали довольно многочисленными в разных странах Европы и хорошо организовались в Германии, Италии, Швеции и др., а в Испании достигли огромных размеров — до 500,000 — но были раздавлены кровавыми репрессиями, приведшими к диктатуре Примо ди Риверы, сваленного только в январе 1930 г.

Это отсутствие связей, как раз в момент, когда связи между нациями порвались и ухудшились и, что еще хуже, были глубоко отравлены войной и послевоенными событиями, не мало содействовало погашению большевизмом многих синдикалистских элементов, а особенно откоду многих французских рабочих, с тех пор вновь покинувших официальный большевизм, но все еще не отделавшихся от троцкизма.

Такое, приблизительно, было положение в начале 20-го века, когда синдикалисты стран, не затронутых ни психозом войны, ни неоправданной ешечты послевоенного времени, — товарищи из Швейцарии, Голландии, Испании, Италии, особенно Аргентины и германские товарищи из "Свободного Союза Германских Рабочих", в то время значительно расширившегося и радикализировавшегося, — встретились в Берлине и образовали Интернациональную Ассоциацию Рабочих.

Эта организация является, таким образом, поздним, но подлинным и законным выражением воли синдикальных групп в разных странах, цель которого — поддерживать отношения между собой в духе ясно выраженного либертарного синдикализма, вести защиту рабочих методами синдикализма в их современной борьбе. Кроме того, задача была в том, чтобы готовиться к предстоящей борьбе путем генеральной

стачки и к преобразованию общества по линии, которая не должна вести к обманчивому сотрудничеству с реформистами, ни к диктатуре большевиков или других узких сектантов, а должна быть результатом прямого действия рабочих.

Главная цель была в том, чтобы сделать рабочих и, — хотелось бы мне добавить, — все человечество интеллектуально и морально подготовленными для того, чтобы осуществить возлагаемые на них великие надежды. Ибо от этого все будет зависеть. Совершенно так же, как родители делают все, чтобы воспитать разум и чувство своих детей, так в настоящем подготовительном периоде интеллектуальные, моральные и другие качества тех, на кого позднее может пасть задача преобразования общества, должны быть тщательно и разумно развиваться в наилучших возможных условиях. Даже и в этом случае, результаты не могут быть гарантированы заранее. Но отсюда нельзя заключать, что нужно сделать все или ничего. Это было бы бесполезно.

— 0 —

Теперь рассмотрим, что именно организации предлагает делать в указанном выше отношении. Как показывает порядок дня предстоящего конгресса, предварительно назначены следующие предметы обсуждения:

- 1) Интернациональная реорганизация синдикализма,
- 2) И. А. Р. и другие Интернационалы,
- 3) О земледельческих рабочих,
- 4) Опасность национальной идеологии для борьбы за освобождение интернационального пролетариата,
- 5) Отношение революционного синдикализма к буржуазной демократии,
- 6) Безработица и шестичасовой рабочий день,
- 7) Борьба против политической и религиозной реакции,
- 8) Борьба рабочего класса против подготовки к войне.

Эти вопросы, на мой взгляд, удачно охватывают наиболее неотложные задачи дня. Экономические проблемы сегоднш-

него или завтрашнего дня не могут разрешаться каждый особо, даже если у нас есть силы и возможность разрешить их согласно нашим теоретическим взглядам. Этому мы научились в истории революций, от Французской до Русской. Земля досталась французским крестьянам после 1789 года и русским крестьянам в 1917 году, и тогда первые превратились в буржуазное анти-социалистическое крестьянство, которое мы знаем, а последние, как и сами русские рабочие, все державшие в своих руках в 1917 г., оказались перед лицом усилившейся, новой государственной власти, которая господствует над ними и постепенно вырывает у них все их завоевания с 1917 г. Подобно этому действовали также Бонапарт и все следовавшие за ним правители, отнимавшие у народа все плоды Революции.

Отсюда следует, что народ должен учиться тому, как следует пользоваться плодами своих социальных побед, иначе другие всегда будут вырывать их у него.

Можем-ли мы ждать такой понятливости, энергии и воли от населения, которое безразлично относится к военным приготовлениям, происходящим на его глазах со все возрастающей напряженностью (вопрос 8-й). Может-ли быть более серьезный для нас вопрос, чем этот вопрос о войне, на который меньше всего обращают внимания те, кого он больше всего касается, — широкие массы народа, рабочие и все те, кто не выдвигает никаких серьезных возражений против готовящихся ужасов. Они равнодушно читают о том, что вблизи Пешавера тысячи бомб были сброшены с аэропланов на афридиев, что то-же самое делается в Ираке, в Марокко и на других отдаленных азиатских и африканских территориях, где этим путем приобретает военный опыт. Чтобы "бороться" с защитниками Рифа этим трусливым способом, несколько лет тому назад авиаторы — любители даже сбежали из разных стран, в том числе из Соединенных Штатов, и это считалось очень хорошим спортом. Этим летом, в августе, мы почти каждый день читали о военных аэропланах, погибавших от несчастных слу-

чаев во Франции и союзных с ней странах. Таких случаев было так много, что, при достигнутой ныне степени безопасности воздухоплавания, это можно объяснить только очень большим числом таких упражнений в бомбометании. По такому же расчету, необычайно большое число взрывов пороховых погребов и т. п., указывает на огромное количество таких складов повсюду. Летние маневры этого года вблизи больших городов показали, что нет никаких способов защиты от ядовитых газов, за исключением эвакуации, то-есть прекращение цивилизованной жизни в городах и бегство всего населения внутрь страны в поисках спасения в разных норах и закоулках, подобно мышам и крысам.

Вот то, что теперь изо дня в день делают многочисленные ученые, химики, технические эксперты, изобретающие и изготавливающие со все возрастающим смертоносным искусством средства истребления. Вот то, что тысячи, десятки и сотни тысяч рабочих — миллионы, если потребуется — делают, когда им приказывают и платят за это. Вот то, что в порядке гражданского милитаризма, обязательного теперь во многих странах, вынуждены будут делать все — мужчины и женщины, старые и молодые — в случае войны.

Разве это не горькая ирония, — что нашу социалистическую и революционную пропаганду, нашу гуманитарную и интеллектуальную работу, направленную к наслаждению науками и искусствами, нам приходится делать вместе с теми, кто, быть может, пойдет потом на химические фабрики и заводы, чтобы, покинув нашу радостную работу для прогресса, перестав быть друзьями человечества, заняться изготовлением ядов для калечения и истребления человечества. Разве не так поступил Иуда, вкушавший пиду вместе с Иисусом Христом и его учениками, а потом предавший Христа?

Что говорят нам эти люди, когда их утешают? Они говорят: если я этого не сделаю, то кто-нибудь другой сделает. Или: я не ответствен за то, что мне приказывают

делать и за что мне платят. Или: надо же мне жить... До тех пор, пока это не станет всеми признаваться низким и подлым, безчестным и грязным, до тех пор не будет спасения от таких поступков. Когданибудь будет так, что достаточно будет какому-нибудь государственному деятелю, опирающемуся на финансистов во Флориде и на Ривьере, нажать только кнопку — и в ход будут пущены механические приспособления для истребления целых больших частей человечества, вместе с накопленными ими историческими и художественными ценностями. Что тогда последует — не может быть даже предвидено. Возможно, что начнется всеобщее разрушение, но возможно, что в порыве безумной ярости будут на куски разорваны виновники бедствий, может быть все это и еще худшее, но во всяком случае верно то, что отсюда не возникнет солидарность, которой мы ищем. Скорее будет обратное — нечто такое, после чего большевизм и фашизм покажутся кроткими и мягкими. Это будет могила для чаяний прогрессивного человечества на долгое, долгое время, и новые ученые, новые рабочие-химики придут, подготавливая еще новые ужасы.

Вопрос 8-й имеет, поэтому, первостепенное значение, тем более, что Стокгольмская резолюция (Июль 1930) реформистского Интернационала 13-ти миллионов рабочих, предложенная Жуо (секретарем Ген. Конфедерации Труда до, во время и после войны, а также в сентябре этого года, делегатом французского правительства в Лиге Наций), не содержит ни единого слова против химической войны, которая теперь священна для рабочих лидеров, тысячами связями соединенных со своими правительствами.

Но как может этот вопрос, — такой, казалось бы, очевидный для каждого среднего ума, — быть объяснен современному человеку, который так часто оказывается не в состоянии мыслить самостоятельно и получает идеи готовыми из газет или от политиков и от хозяина. Подобно тем 13-ти миллионам рабочих, для которых резолюция

пишет Жуо, одинаково чувствующий себя дома и в Ген. Конфедерации, в правительственных учреждениях и в Женеве, он представляет своим лидерам думать за него. Здесь вопрос 7-й, "борьба против политической и религиозной реакции" и 8-й, "об опасностях национальной идеологии", показывают путь. Ибо только такие усилия, если они будут делаться настойчиво и разумно, будут оказывать влияние на состояние умов населения, при теперешнем положении только одобряющего все, что ему предлагают. Такое умонастроение представляет собой искусственный продукт тех, которые хотят, чтобы одураченные ими жертвы помогли им упрочить навсегда их монополии, привилегии и право на жестокость.

Пора уже, наконец, обратиться к рабочим с призывом бороться с политической и религиозной реакцией и с национальной идеологией. Об этом забыли под влиянием той упрощенной догмы, что экономическая эксплуатация — корень всех зол, и что консервативная, либеральная, радикальная буржуазия — одинаково эксплуатирует рабочих. Разумеется, это так, но отсюда не следует, что нужно равнодушно относиться к тем условиям гражданской жизни, в которых мы живем. В эти годы зверского фашизма, удушающего всякую социальную и интеллектуальную жизнь Италии и разлагающего ее моральную жизнь, в то время, как в целом ряде стран Европы также установились деспотические режимы, а другие страны стремятся к такому режиму, — в эти годы мы видим, как под угрозой оказывается все, что было отвоевано у тирании в течение 18-го и 19-го веков.

Все гражданские права, уважение к человеческой личности, — все это топчется ногами. Мы видим, как зарождаются и распространяются целые социальные режимы, от которых пахнет средневековьем. Эти режимы ставят личность в определенное, назначенное для нее место в той или иной касте. Все это идет в разрез как с духом современной жизни, так и вообще со всякими передовыми стремлениями. Мы

видны, что церкви процветают больше, чем когда-либо, что папа идет рука об руку с фашизмом, что английская церковь кокетничает с русской православной церковью и, в то же время, как показала недавняя конференция епископов, стремится использовать современную науку, навязав ей библиейское истолкование.

При таких условиях, те рабочие, которые поглощены исключительно экономическими интересами, в один прекрасный день окажутся под пятой фашизма, и всякая свобода будет у них отнята, даже свобода защиты их экономических интересов. Их принудят к безпрекословному подчинению с помощью грубой силы, а детей их воспитают в фашистской вере. Эти рабочие должны очнуться от обольщения экономизмом и позаботиться о том, чтобы жить в условиях, открывающих нормальные возможности для всеобщего прогресса.

Вопрос 5-й — "Отношение к буржуазной демократии" — возможно, касается кой-каких из тех вопросов, о которых я здесь высказываю мое личное мнение. Ни один синдикалист не должен удовлетворяться буржуазной демократией, не должен быть ее слугой и жертвой. Но у него нет также причины проповедывать безразличие к вопросу о том, приходится-ли рабочим жить под режимом диктатуры или фашизма. При современном положении вещей, это означало бы предать интересы человечества фашизму. Фашизм теперь нападает, он собирает силы, и каждый вынужден занять позицию против него.

"Опасности национальной идеологии" (вопрос 5-й) — слишком большой вопрос для того, чтобы разбирать его в этой статье. Естественные симпатии человека к своему дому, к родным местам, к родному языку и обычаям превратились в слепое чувство принадлежности к национальному государству, врагу всех других государств и неутомимому сеятелю ненависти к чужим народам, поработителю национальных меньшинств внутри больших государств. Все это говорит само за себя. Нормальная хозяйственная жизнь стала невозможной в си-

лу территориального расчленения и усиления взаимной вражды повсюду, искусственного размножения отраслей промышленности и учреждений. Рядом со всем этим идет увеличение бедности, сокращение покупательной силы, постоянный рост безработицы. Сужаются рынки для ввоза из стран, где экономические условия привели к развешиванию, усилению и рационализации производства в неслыханных размерах, как, например, в Соединенных Штатах.

Этот последний факт побудил И. А. Р. и, особенно, ее Аргентинский отдел, — Федерацию Аргентинских Рабочих, — в течение целых годов уже вести агитацию за шестичасовой рабочий день. Этот вопрос также поставлен в порядок дня. Возможно, что 15 миллионов безработных будут поглощены промышленностью при шестичасовом рабочем дне, но прежде чем удастся убедить 50 или более стран ввести 6-ти часовой день, к нынешним безработным прибавится еще новых 15 миллионов, и так далее. Не желая обезбуживать внесших это предложение, я, однако, придаю больше значения вопросу 4-му, в смысле прекращения дробления государств, нарушившего относительное равновесие экономической жизни. Сюда относится также разруха, внесенная устранением русской Сибири с рынка, фактическим восстанием целых областей Азии и Африки против европейско-американского империализма. Все это вместе взятое, включая политическую реакцию и подготовку к войне (вопросы 7 и 8), должно быть подвергнуто открытой и жестокой критике. Ибо при таком совершенно больном экономическом организме, порождающем столько реакционных стремлений, мало шансов на успех будут иметь мероприятия, провозглашаемые духом всеобщей солидарности.

Вопрос 3-й — о сельскохозяйственных рабочих — жгучий вопрос для значительной части Испании, главным образом, для Андалузии; — этот вопрос потребует решений, рассчитанных на значительное разнообразие местных условий.

Вопрос 2-й — об отношении к другим Интернационалам — определяется безуслов-

ной враждой реформистского и коммунистического Интернационалов к либертарному Интернационалу синдикалистских организаций, и так как свободомыслящие не имеют общей почвы со священниками и служителями церкви, то прочные связи невозможны. Но так как все мы можем быть в дружбе с достойными людьми и сотрудничать с ними во многих вне спора стоящих задачах, то не должно быть вражды между рабочими, принадлежащими к названным трем Интернационалам или к другим трудовым организациям — и они хорошо бы сделали, если бы побудили тех, кого они считают руководителями, вступать в дружественное сотрудничество во всех подходящих случаях.

Если всем этим вопросам уделено было внимание и силы — много сил — то интернациональная реорганизация синдикализма (вопрос 1-й) могла бы быть предприня-

та с успехом. Очень жаль смотреть на то, как реформистский Интернационал с его 15 миллионами членов почти ничего не делает под руководством людей, уже много лет назад сросшихся с современным строем, ставших его послушными сотрудниками, в то время, как другие массы рабочих подпали под влияние Москвы и ее приказов и стремятся осуществить диктатуру, которой никто не хочет и от которой сам русский народ счастливым был бы освободиться. В то время, те, кто действительно принимает близко к сердцу интересы либертарного социализма — членов И. А. Р. — еще мало известны. Они должны быть поддержаны, как единственная подлинно либертарная интернациональная рабочая организация.

М. Неттлау.

1 сентября 1930 г.

ПУСТЬ ГРЯНЕТ БОЙ

Моя душа пылает страстью бурной,
И грудь полна отвагой боевой,
Ах! Видеть лишь свободы блёск пурпурный,
Разсеять мрак насилия вековой.
И маску лжи сорвать с лица злодея,
Вдруг обнажить его смертельный страх
И бросить всем тиранам, не робея,
Стальной руки, неотвратимый взмах...
Довольно слез! Пусть грянет бой победный
Народ зовет, — преступно стыдно ждать.
Рази-ж врага, мой честный меч наследный!
Я твой, весь твой, о, родина, о, Мать!

И. П. КАЛЯЕВ.

Как относятся анархисты к платформе и платформистам.

(Окончание).

Несуразных и бессмысленных утверждений в „Декларации“ группы Р. А. С. Д. Т. имеется порядочное количество. Они понятно показывают, что или авторы не знают анархизма, или просто извращают его. Но останавливаться на этих местах не будем. Что же касается утверждений „Декларации“ об основных и важных вопросах, то они почти те же, что и в „Платформе“.

Поэтому, для того, чтобы не быть голословным в нашем отрицательном отношении к „Платформе“ и „Декларации“, приведем здесь мнения об этих прозвках лучших и преданнейших работников анархизма и в то же время наших учителей и товарищей по идеям, думая таким образом помочь товарищам и читателям составить себе самим мнение о том, как относятся анархисты к платформе и платформистам и как понимают анархисты анархическую работу в данный момент. А главное, — оно ясно покажет, всем известным себя анархистами, что говорить об анархизме мало, а нужно еще знать анархизм и мыслить анархически. При чем предоставим этим теоретикам, пропагандистам и историкам анархизма говорить их же словами.

Мнение Луиджи Фабри.

Вот, например, что, между прочим, писал старый, видный и племянный анархист Луиджи Фабри, разбирая Платформу:

„Начиная с введения замечается, что дух, которым пропитана „Платформа“ имеет недостаток: чрезмерной исключительности, имеет тенденцию поставить вне анархического движения все течения не только практические, но также и идеологические, которые не совпадают с «Платформой». Имеются, помимо этого утверждения, которые должны были бы быть объяснены лучше, потому что так, как они есть, они производят отрицательное впечатление, как например, когда предлагается „незыблемое единство“ партии, единство идеологии и „стратегии“.

„Мы..., которые согласились на определенных целях и определенных формах дей-

ствия, должны избегать опасности считать нашу „часть“ за целое, стать несправедливыми ко всем остальным, которые с нами несогласны, — претендуя представлять весь анархизм. Должны избегать этой ошибки исключительности, единственности, в которую впади все партии социалистические и революционные, но авторитарные.

„Мы, анархисты, никогда не должны забывать, что мы не верим ни в какую особую добродетель большинства, или меньшинств только потому, что они — таковые; и что как за одними, так и за другими мы не признаем права подчинять собственным целям волю тех — немногих, или многих, безразлично — которые чужды им...“

Особенно „ошибочной“ частью „Платформы“ мне кажется та, которая делает из „борьбы классов“ почти что главную характеристику анархизма, сведя до минимума его значение человеческое и его человеческие цели...

„Анархист — прежде всего человек; настолько, что на развалинах классовых и классовых делений хочет реализовать (по выражению Бакунина) человечество — реализовать его как в личности, так и в обществе. Борьба рабочего класса против капитализма входит в методы и формы революционной активности анархизма, но с такой характеристикой, что экспроприация должна быть сделана в пользу всех людей... В этом смысле можно утверждать, что анархисты против „борьбы классов“.

„Исторически мне кажется неправильным говорить об анархизме как о „классовом идеале“: рабочий класс — тот, что больше других заинтересован, чтобы идея свободы в виде анархии, восторжествовала; и, поэтому, мы, анархисты, обращаемся в особенности к нашим братьям рабочим, между которыми, мы знаем, мы можем найти и большое число товарищей... Но это не означает ни что цель анархистов — специально рабочая, ни что победа рабочего класса должна неизбежно привести к анархии. Нужно понять хорошо, что... среди пролетариата имеются те же са-

мые болезненные тенденции к претопении, авторитаризму и рабствованию, как и в буржуазных классах, и что победа первых (пролетариев), если наша анархическая воля не сможет предвидеть это во время сможет преподнести нам новые формы власти, ни в коем случае — не желательные. Настоящий пример России нас чему нибудь учит.

“Анархизм, следовательно, есть идея человеческая и есть идея всех тех, без исключения, которые хотят разрушить всякую форму насильственного и принудительного авторитета. Подчинить эту идею какому бы то ни было предрасудку — будь это старому предрасудку буржуазному, или новому предрасудку рабочему — означало бы умалить ее и подготовить, в действительности, психологию опасную, которая помогла бы образованию, во время революции, нового доминирования классов.

“Рабочие массы, в своем громадном большинстве еще не анархические, имеют тенденции разнообразные, — хорошие и плохие, авторитарные и свободнические, — и сами по себе не представляют созидательной силы в определенном направлении, и меньше всего в смысле анархическом. Этим они смогут стать по мере того, как личности, составлявшие эту массу, становятся сознательно анархистами, или анархическая пропаганда развивается в них тенденции анархические, борясь и атрофируя (умерщвляя) противные тенденции. Но тогда массы будут “силами созидательными и анархическими” постолько, постолько они будут анархисты и в той мере, в какой они будут таковыми, а не потому, что они — рабочие”...

Авторы “Платформы” отрицают в об- щих тезисах “переходный период”. Но когда “Платформа” переходит затем к изложению постройной части на следующий день после революции, “переходный период” появляется снова и в том же смысле, в каком его раньше старались отрицать. То есть, сами анархисты, вследствие необходимости защиты революции, создают временные авторитарные организмы. Не употребляются эти слова, по сущности эта остается.... В этом отно-

шении авторы “Платформы” не выявляют себя вполне анархистами...

“Пока будет необходима вооруженная сила для защиты, существование таковой всегда будет громаднейшей опасностью для свободы и для анархии... И хорошо. Когда “Платформа” предвидит необходимость революционной армии, и то время как выбирает, верные условия..., прибавляет некоторые... как единство главного командования и власть над таковыми органами управляющих экономической и социальной жизнью. Хотят, или не хотят, но это — главный штаб армии с одной стороны и министерство с другой, которые, в зародыше и под различными видами, высовывают головы...

“Но где я себе окончательно ничего не объясняю это — когда “Платформа” указывает, хотя и мимоходом, на вооруженные образования для защиты против скрывающихся реакционеров внутри страны, против заговоров буржуазии, контр- революционных выступлений и т. д. В то время, когда с одной стороны, ни в какой мере, не вижу необходимости в таких специализированных силах, — с другой стороны, открывая в них не только опасность будущего вырождения, но вырождение авторитарное уже в действии с первого момента: существование настоящей и собственной полиции, или жандармерии...

“Поговорим откровенно. Если бы действительно была необходимость в органах внутренней защиты, вооруженных и специализированных, это означало бы, что мы, ни в какой степени, не были бы в анархическом режиме, а как раз в том “переходном периоде”, который раньше отрицался. Были бы, это — правда, “руководители” анархические, или будто анархические, но не анархический режим...”

Во всяком случае, “опасность антианархическая, исходящая от... экспропрированных меньшинств, была бы всегда бесконечно меньше, чем громаднейшая опасность, которую создала бы какая бы то ни было специализированная вооруженная армия полиции и жандармов, хотя бы они и имели наглость называть себя анархистами...”

“Вопрос об отрицании или не отрицании, в определенных случаях, свободы печати для буржуазных элементов — вещь второстепенная, в сравнении с другим, вышеуказанным, но в котором, **анархически**, все таки, невозможно не разойтись с авторами “Платформы”... Уничтожение свободы для одних, приведет, **неизбежно**, к уничтожению или ограничению свободы для всех.

“Многое еще нужно было бы сказать об этой проблеме анархической ориентации революции; но то, что я сказал, мне кажется достаточным, чтобы доказать, что имеется в зародыше антианархического и антиреволюционного в этой части “Платформы”. Вопрос идет, говоря правду, о части крайне малой, — только нескольких линиях из всего текста, который я имею передо мной; но именно тот факт, что авторы указали на это так кратко, в то время как поназывают мышление не находящееся, как мне кажется, в согласии с анархическим духом и открывает двери анархии для антианархии. — уже есть указание, что или там имеется неясное сознание, или что не имеют идей вполне ясных, или имеют идеи, находящиеся в противоречии с анархическими целями...”

В вопросе об организации ограничусь здесь двумя простыми вопросами: Исполнительным Комитетом организации и личной и коллективной ответственностью в активности организовавшихся...

“Я не пугаюсь слов, и слово “Исполнительный Комитет” меня не пугает... Но называйся он “Исполнительный Комитет” или “Комиссия для сношений”, то что дает характер авторитарный или анархический этому необходимому для сношений органу, который ассоциация создает себе, заключается не в названии, а в функциях, заданиях, которые она должна выполнять. И хорошо: когда “Платформа” приписывает этому органу вплоть до миссии **руководить идеологически ассоциацией**, — я себя спрашиваю, не имеется ли и тут так же настоящий и действительный **руководящий** орган в зародыше, авторитарный постольку, поскольку он будет руководить из центра политическим поведением всех членов ассоциации...”

“Более важным мне кажется вопрос об индивидуальной и коллективной ответственности. Я согласен с “Платформой” в признании вредной “тактики индивидуальной безответственности”, но именно поэтому я не понимаю, почему по составителям проекта “практика действовать под индивидуальной ответственностью должна быть осуждена” и говорится о “коллективной ответственности”... как о чем то, что исключает “индивидуальную ответственность”. Или может быть **безответственность**, которая — плоха, когда она прикрывается индивидуализмом, становится хорошей, когда она оказывается под защитой организации? Это было бы той же организационной теорией — **раньше иезуитов, а теперь большевиков**, — которая уничтожает в организации дух инициативы и чувство ответственности ее членов. Это было бы от такой степени в противоречии с свободическими и человеческими целями анархизма, что мне кажется невозможным и я не верю, чтобы предлагающие это хотели бы это всерьез; но все-таки это то, что означают их слова...”

“Было бы произвольно и практически невозможно претендовать (как это говорит “Платформа”), чтобы вся организация была ответственна за революционные и политические акты каждого из ее членов, и что бы каждый член был ответствен за всю революционную и политическую активность организации. Учреждение такое абсолютно есть, одновременно, и вне анархии и вне жизненной практической реальности” (1).

МНЕНИЕ БЛГАРСКИХ А. К.

А вот что писали болгарские анархисты о “Платформе”. Принимая, что может быть у Аршинова и его приверженцев действительно были хорошие намерения и искренние желания помочь анархическому движению стать мощным и народным, они задают себе следующие вопросы:

“Но в гармонии ли этот проект с принципами анархизма?”

“Сможет ли этот проект сыграть ту кардинальную роль, на которую так сильно надеются наши русские приятели во главе

с Аршиновым? Придется ли этот проект ползать анархизму?

“Нужно сказать, что нет!

“Этот проект анархической организации, вместо того, чтобы слудить связывающим звеном и сплотить бы всех анархистов и их организовать бы, только вносит раскол, разложение в анархическую среду. Он также расходится с анархическими принципами и идеями, так как вносит в них властный оттенок...“ “И тут в Болгарии, “Платформа” и сыграла раскольническую роль и внесла еще большую слабость в и без того слабое и разложившееся анархическое движение...”

“Мы согласны с мыслью, что невозможно создание единой анархической организации из анархистов разных течений. Но в “Платформе” замечается единое стремление, единое желание исключить, отвергнуть... всех анархистов, которые несогласны с “Платформой” и не мыслят так, как мыслят Аршинов и Компания”.

Также “в главе о роли масс и анархистов в социальной борьбе и социальной революции... высказываются много мыслей, которые идут в разрез с анархизмом...”.

—о—

“Авторы “Платформы”, после того, как заявляют себя анархистами, постепенно усиливают неанархические тенденции и в конструктивной (построительной) части доходит, как и следовало ожидать, до верха возможного. То, что намечено в этой “Платформе” не только есть отклонение от анархизма, но до того — властническое, что и Бисмарк (бывший железный канцлер Германии) ее одобрил бы!

“И человек себя спрашивает: или авторы этого считают анархистов за чистых невенд и им предлагают единый казарменный идеал — за анархический, или себе поставили скрытые цели, или сами — такие невенды, что не видят, что то, что они предлагают не только не имеет ничего общего с анархизмом, но находится на противоположном от него полюсе?”.

Цитируя выдержку об организации производства, они пишут: “Нужно ли ком-

ментировать цитированное, нужно ли повторять, что авторы “Платформы” имеют за идеал управления... централизацию. Все это есть то, против чего анархисты восстают, а авторы “Платформы” осмелились проповедывать это как анархизм!... И наконец как напью себя уговаривают, что будут избраны массами и поэтому осуществят идеал истинного самоуправления масс. Не есть ли это старая песня современных социал-демократов, не есть ли это цинизм большевиков! Скажите, господа Аршинов и Ко., не будет ли лучше, чтобы совсем не существовали, вместо того, чтобы быть контролируемы массами? Не будет ли лучше, чтобы сами массы выполняли эти функции? Да нужно ли и говорить об этом? Достаточно было сказано вами, что вы прочли и увидели, что это не есть анархизм...”.

“Кропоткин и вместе с ним целый ряд анархистов, посвятили всю свою жизнь, что бы доказать, что там, где имеется регулирование сверху, — управление равенством и справедливостью, — там нет никакого равенства, ни справедливости, и — чтобы последние существовали, необходимо именно отказаться и разрушить управление. Такого было и есть основное положение анархизма, на котором он построен, а Аршинов это отрицает, как бы он ни пел об анархизме.

“Видите ли равенство и справедливость будут регулироваться сверху, — избранным рабочими управлением.

“Вопрос о защите революции разрешается авторами “Платформы” крайне не анархически. С введением таких “военно-революционных организаций” уже в первые дни революции, не только рискуют провалиться, но это есть бегство от анархических позиций.

“Авторы “Платформы”, хотя ясно и сознательно не говорят, что “военно-революционные организации” будут таковыми же, как и все военные организации современного общества, но эти, как и все военные организации, необходимо, чтобы имели “военную стратегию” и “сильное командование”.

“Не есть ли это отступление от анар-

хзма? Не есть ли это признание права, законов и отсюда и права на существование таких органов и институтов, которые анархисты ревностно стремятся разрушить и уничтожить? На основании того, что авторы "Платформы" предлагают, чтобы было допущено в первый же день после революции, следовало бы логически также допустить существование жандармов и военного министерства в их будто анархическом обществе. Любопытно было бы видеть это!

"Нет! Это совсем неанархическое решение вопроса защиты революции!..

"Поддерживающие такие органы не могут быть анархистами. Удивительно только, как авторы "Платформы", которые нам предлагают подобные властнические организации, имеют смелость называть себя анархистами!..".

"В организационной части "Платформы" также имеется много мыслей и мнений неанархических. Так, например, в вопросе о личной и коллективной ответственности, мнение "Платформы", — неправильно и неанархично. Отказать индивиду в праве на личную ответственность, — значит, чтобы он отказался от всякой индивидуальности, независимости; значит убить в индивиду всякую инициативу и всякое свободное проявление, исходящее от него самого. Это есть толкование так находящееся в полном противоречии с одним из самых существенных принципов анархизма, а именно: с принципом личной свободы, что даже удивительно, как могут анархисты утверждать нечто подобное...".

"И в вопросе о создании Всем. Союза Анархистов, тоже говорится целая куча неанархического".

Вот что писали Л. Фабри и болгарские анархисты - коммунисты о сущности "Платформы" и ее взаимоотношении с анархизмом.

МНЕНИЕ МАЛАТЕСТЫ

Но не лучшего о ней мнения и вся остальная анархическая пресса во всем мире и все выдержанные идейные анархисты. Вот, напр., что писал Малатеста о проекте "Платформы". Малатеста, живущий в фа-

шистской Италии, под бдительным оком охранников, — далек от всякой возможности быть заподозренным в пристрастности и односторонности. Никто не может быть более беспристрастен и терпим, чем он и писать с правом быть выслушанным всяким честным анархистом. И только такое "недомыслие" как "Бунтарь" или "Дело Труда" могли позволить себе обвинять Малатесту в "недомыслии", непонимании и т. п. Тем паче, что Малатеста один из старейших и выдержаннейших анархистов в анархическом движении, в течение более полувека стоящий уже непоколебимо и стойко на своем посту и доказавший свою преданность идеалу анархии и свою непоколебимость бесконечное количество раз; тем паче, что Малатеста — единственный оставшийся в живых из великой плеяды анархистов первого интернационала и к тому еще — и инициатор и основоположник коммунистического течения в анархизме.

Разбирая проект "Платформы", в особенности в его постановке вопроса об анархической организации, Малатеста писал:

"Анархические организации должны быть построены и функционировать в соответствии с принципами анархизма. Необходимо, стало-быть, отсутствие в них властнического духа; необходимо, чтобы они умели согласовать свободную деятельность личностей с необходимостью и удовольствием совместной работы; необходимо, чтобы они служили развитию сознания и инициативы их членов, посредством воспитания среды, в которой действуют и, наконец, моральной и материальной подготовкой к желанному будущему.

"Отвечает ли рассматриваемый проект этим требованиям? Мне кажется, что нет. По моему мнению, вместо того, чтобы усилить среди анархистов желание организоваться, он вырабатывает, словно нарочно, для того, чтобы подтвердить предрассудки многих товарищей, думающих, что организоваться означает подчиниться руководителям и вождям и примкнуть к властническому централизующему организму, подавляющему всякую свободную инициативу. В самом

деле, данная платформа высказывает, как раз те положения, которые вопреки очевидности и несмотря на наши протесты, упорно приписываются некоторыми анархистами, величаемыми организаторами".

Но "посмотрим, соответствует ли предлагаемый способ организации анархическим принципам и методам и сможет ли он содействовать торжеству анархизма? Мне, опять таки, кажется, что нет...

Ибо "недостаточно еще хотеть чего-нибудь: необходимо также применить подлежащие средства достижения, подобно тому, как, направляясь в определенное место, надо взять дорогу, которая туда ведет,— рискуя, в противном случае, попасть в совсем другое место.

И вот — так как вся предполагаемая организация будет **властнического** типа, то она не только не будет содействовать торжеству анархического коммунизма, но извратит самый дух анархизма и приведет к результатам, противоположным тем, каких ожидали сами организаторы. "В самом деле, этот "Всеобщий Союз" состоял бы из стольких организаций, сколько в нем было бы **секретариатов** для **идеологического** руководства политической и технической работой всей организации, и, кроме того, имелся бы **Исполнительный Комитет Союза**, на обязанности которого лежало бы выполнять принятые Союзом решения и "направлять идеологию и организацию групп, согласно общей идеологии и общей тактической линии Союза".

"Разве это анархизм? Это, по моему, правительство и церковь. Недостает еще, правда, полиции и штыков, нет еще правоверных, готовых принять идеологию, диктуемую свыше, но это говорит лишь о том, что правительство это будет правительством бесильным и неосуществимым, а церковь эта будет рассадником ереси и раскола. Дух, тенденция — останутся властическими и воспитательное влияние будет всегда антианархическим..."

Помимо этого "мы здесь имеем дело с полной системой большинства, с полным

парламентаризмом.

"Как известно, анархисты не признают правительства большинства (демокр.) так же, как не признают правительства небольшого числа (аристократии, олигархии, или диктатуры класса или партии), или правительства одного лица (автократии, монархии, или личной диктатуры)..."

"Анархисты тысячу раз критиковали правительство так-называемого большинства, которое на практике приводит всегда к господству небольшого меньшинства. Неужели же надо снова повторять эту критику на потребу наших русских товарищей?"

— 0 —

"Всякая человеческая группировка тем ближе к анархии, чем свободней соглашение между меньшинством и большинством, чем более оно добровольно и чем больше оно вытекает только из самой природы вещей.

"Следовательно, если анархисты отрицают за большинством право управления человеческим обществом вообще, где личность, однако, вынуждена допустить некоторые стеснения, не будучи в состоянии уединиться без того, чтобы не отказаться от условий человеческой жизни, если они хотят, чтобы все делалось по вольному соглашению между всеми, то как же возможно, чтобы они допустили господство большинства в своих ассоциациях — прежде всего, свободных и добровольных — и чтобы они начинали с заявлений о готовности подчиняться решениям большинства до того, даже, как узнали каковы эти последние будут?"

"Что анархия, — свободная организация, без господства большинства над меньшинством и, наоборот, — будет квалифицирована неанархистами как неосуществимая утопия, или же осуществимая в очень далеком будущем — это понятно; но непосредственно, чтобы те, которые исповедуют анархические идеи и хотели бы осуществить анархию, или, по крайней мере, серьезно приблизиться к ней уже сегодня, — чтобы эти самые люди отреклись от основных принципов анархизма в той организа-

ции, где они хотят бороться за их торжество..."

"Анархическая Истина не может и не должна стать монополей личности или комитета. Она не может быть в зависимости от решений большинства — действительного или мнимого. Необходимо только и это будет достаточно, чтобы все имели и осуществляли широчайшее право свободной критики, и чтобы каждый мог защищать свои идеи и подбирать себе товарищей. В последнем случае судить будут факты и они скажут кто прав..."

"Да раз и сами авторы "Платформы" признают существование анархистов других течений, они должны признать за ними право организоваться в свою очередь и работать для анархизма так, как они сами сочтут наилучшим. Или же они претендуют выторговать за пределы анархизма, отлучить от него всех тех, которые не примут их программы? Они говорят о своем желании сгруппировать в одну организацию все здоровые элементы анархического движения и, конечно, склонны будут считать здоровыми только тех, которые думают, как они сами. Но что сделают они с нездоровыми элементами..."

"Этим товарищам не дают покоя успехи большевиков в их стране; они хотели бы, на подобие большевиков, соединить всех анархистов в своего рода дисциплинированную армию, которая, под идеологическим и практическим руководством нескольких вождей, пошла бы компактной массой на штурм существующего строя, и которая, победив физически, руководила бы строительством нового общества. И, быть может, верно, что при такой системе — если конечно, допустим, что анархисты согласятся с ней, и, что их вожди будут людьми гениальными, — наша физическая сила станет более внушительной. Но ради каких результатов? Не станем ли с анархизмом то же, что стало в России с социализмом и коммунизмом?"

"Товарищи эти с нетерпением ждут успеха, мы — тоже; но для того, чтобы жить и победить не должно отказываться от смысла жизни и извращать характер возмож-

ной победы. Мы хотим бороться и победить, не как анархисты и за анархизм".

Но еще более ясно высказался Мала-теста о принципах "Платформы" в своем ответе Н. Махно:

"Вы ошиблись, что я не могу принять принципа коллективной ответственности, который вы считаете фундаментальным принципом, руководящим и долженствующим руководить революционерами прошлыми, настоящими и будущими.

"В свою очередь я себя спрашиваю, что может вообще означать, в устах анархиста, это выражение с коллективной ответственности?"

"Я знаю, что среди военных — обычное явление расстреливать каждого десятого в полку, который взбунтовался, или вел себя плохо в присутствии врага, расстреливать без разбора тех, на кого пал жаркий. Я знаю, что начальники армий окончательно не стесняются снести деревню или город и вырезать целое население, в том числе и детей за то, что кто-нибудь захотел оказать сопротивление их нашествию. Я знаю, что во все эпохи правительства широко пользовались как угрозой и применяли систему коллективной ответственности, чтобы зауздать революционеров, взимать налоги и т. д. И я понимаю, что это есть эффективное средство для заугнетания и угнетения.

"Но как можно говорить о коллективной ответственности между людьми, которые борются за свободу и за справедливость и когда не может быть вопроса, как только об ответственности моральной, последуют или не последуют после этого санкции материальные?!!

"Мы анархисты, потому что мы думаем, что правительство (всякое правительство) есть зло и что невозможно осуществить свободы, братства, справедливости как только при помощи свободы; мы не можем, следовательно, стремиться управлять и должны делать все возможное, чтобы помешать, чтобы другие — класс, партия или личность — захватили власть и стали правительством..."

“Вопрос действительно важный, который вы поднимаете в вашем письме это — вопрос о роли анархистов в социальном движении и способе, каким они надеются овладеть им. Здесь вопрос идет о самой сущности, о смысле существования анархизма, и нужно объяснить ясно.

“Вы меня спрашиваете, должны ли анархисты взять на себя (в революционном движении и в коммунистической организации общества) роль руководителей, неизбежно ответственных, или ограничиваться быть безответственными помощниками?

“Ваш вопрос привел меня в недоумение своей неопределенностью. Можно руководить советами и примером, предоставляя, чтобы люди, движимые необходимостью и возможностью заботиться о самих себе по своему усмотрению, приняли спонтанно добровольно, наши методы и наши решения, если они суть, или им кажутся лучшими, чем предложенные и практикуемые другими. Но можно также руководить, взяв на себя роль командующего, т. е. став правительством и навязывая, при помощи жандармов, свои собственные идеи и интересы.

“Как хотите вы руководить?”

“Когда я вижу, что в Совете, который вы проведете, имеется Исполнительный Комитет, который будет иметь в своих руках “руководство идеологическое и организационное” ассоциацией, я начинаю думать, что вы захотите также и в общем движении центральный орган, который бы диктовал авторитарно теоретическую и практическую программу революции.

“В таком случае мы были бы очень далеки от того, чтобы сойтись.

“Ваш руководящий орган, или органы, несмотря на то, что их составляли бы анархисты, не смогли бы не превратиться в настоящие правительства, в настоящем смысле этого слова. Они считали бы себя, вполне честно, веря в это, необходимыми для победы революции и захотели бы прежде всего обеспечить свое существование и силу, чтобы навязать свою волю. Вот почему они создадут вооруженные армии для своей материальной защиты и бюрократию

для осуществления своих догм, парализуя таким образом народное движение и убивая революцию.

“Это, я думаю, и есть то, что случится с большевиками.

“Наконец, я думаю, что самое важное не есть победа наших планов, наших проектов, наших утопий, которые, в конце концов, должны быть подтверждены опытом и на опыте смогут потребовать изменений, расширений и приспособлений к реальным, моральным и материальным условиям эпохи и местности. Что важнее всего, это чтобы народ — все люди — оторвались от стадных инстинктов и привычек, которыми они обязаны тысячелетнему рабству, и чтобы научились думать и действовать свободно. И этой то именно работе морального освобождения анархисты и должны специально отдаваться”. 2)

МНЕНИЕ М. КОРН.

Но “Платформа” не только внесла неразбериху в умы отдельных, не вполне окрепших товарищей а было высла разложение и в анархическое движение во Франции, Болгарии и Северной Америке.

Пользуясь тем, что границы России закрыты и невозможно никакое серьезное изучение событий и фактов, как и роли анархизма и анархистов в Российской революции 1917 г., платформисты использовали доверчивость многих товарищей за границей, очернили как все русское анархическое движение, так и его участников и представили факты и события в нужном им виде, чтобы иметь возможность “доказать” необходимость пренебрежения анархических принципов и принятия авторитарных методов борьбы для осуществления свободы.

Слава российских анархистов и безоглядное к ним доверие анархистов всего мира привели к тому, что во Франции решили было испробовать эти выводы “Платформы” из “Российского опыта”. Но эта попытка сейчас же привела к расколу и выходу из Союза Ан. Ком. Франции наиболее видных товарищей, во главе с Фором и Лекуаном, а затем и к разложению среди оставшихся настолько, что вскоре был создан новый

конгрессе, где решено было отказаться от этого губительного опыта приложения к живому движению мертвых и губительных авторитарных принципов "Платформы" и все вышедшие из Союза товарищи приглашены были войти в союз на чисто анархических началах.

Вот что писали, между прочим, о "Платформе" и платформистах, М. Корн, С. Фор, Л. Фабри и Макс Неттлау, в связи с этим печальным опытом платформизма во Франции:

"Вся важность организации — писала М. Корн — состоит в том, чтобы она помогала, объединяла, облегчала работу групп, но какую важность может иметь организация, когда она существует только для того, чтобы запрещать, ограничивать и дисциплинировать?..

"Товарищи, которые были захвачены идеей организации, выпустили из виду, что принудительное подчинение одной группы другой не создает единства, а как раз наоборот: создает внутреннюю борьбу за получение большинства в партии.

"Анархическое движение страдает от многих недостатков, но оно, по крайней мере, свободно от ада партийной бюрократии, съездовых интриг и разных других проклятий партийной жизни.

"Помимо этого анархическая среда слишком сильно привыкла к свободе мнения и — очень чужда понятию дисциплины, чтобы она могла легко согласиться на такое изменение в "не писанной конституции", которая лежит в основе анархической жизни.

"Французские товарищи попробовали было это сделать: результатом этого был раскол. Теперь оппозиция требует, чтобы был созван новый конгресс Союза, на котором организационный вопрос был бы поставлен 3). Этот конгресс состоялся в 1928 г. и отменил все неанархические резолюции и принципы, взятые из "Платформы". (Н. К.).

"На мысли французских товарищей в этом отношении сильно повлияли их сношения с группой русских анархистов, которая

выпустила так называемую "Организационную Платформу", которая была переведена и по-французски. В "Платформе" самое важное значение приписывается крепкой организации, а французские товарищи считают русских анархистов авторитетами, так как им пришлось проделать опыт русской революции. Отсюда взялось мнение, что к новым временам должны быть приспособлены также и новые методы борьбы: старые организационные взгляды считаются устаревшими и должны быть изменены. А изменение происходит, в этом нужно признаться, в направлении чуждом анархическому духу.

"Потому что, если принять, что меньшинство должно подчиняться большинству, которое имеет право навязывать свои мнения, тогда почему не признать того же самого права и для будущего общества? И почему не признать также власть, которая бы действовала во имя большинства? В анархической литературе слишком много были критикованы парламентаризм и фикция большинства, чтобы анархисты так легко могли сделать "пересмотр" в этом вопросе..." (4).

"Казалось бы ясным, что раз анархисты настаивают на том, чтобы ни меньшинство не могло приказывать большинству и ни большинство не могло навязывать свою волю меньшинству в вопросах, касающихся всего общества, с тех пор, как анархисты решили забросить всякую, даже демократическую, форму государственной власти, потому что они считают подчас людей неправильной мерой для измерения кто прав, и что никакая группа, как бы велика или мала она ни была, не имеет права принимать резолюций, которые были бы связующи (обязательны) для других людей, которые с ними не согласны, то как могут анархисты внести в свою собственную среду ту форму, которую они отбрасывают для общества как целого? Если мы думаем, что сложное и обширное общество всего человечества может обойтись — должно обойтись — без принудительной власти, то как можем мы рассматривать принуждение, как необходимую методу в нашей собственной,

много более узкой и однородной среде? Тут очевидно, есть какое-то противоречие: наши товарищи, которые защищают теперь централизованную организацию, неправильно продумали их собственный безгосударственный и федералистический общественный идеал“ 5).

МНЕНИЕ СЕБАСТЬЯНА ФОРА

А вот что писал, между прочим, другой старый и идейный анархист Себастьян Фор о роли “Платформы” и платформистов в практике анархического движения во Франции:

“Никто не обладает даром — ни я в том числе — читать в будущем. И я буду очень осторожен, чтобы предсказывать.

Но, что я знаю, в чем я даже уверен, что я могу утверждать самым категорическим образом, это — то, что уже порядочное время, а особенно в последние годы, атмосфера в наших кругах, отравленная нетерпимостью одних к другим, стала невыносимой настолько, что после появления “Платформы”, опубликованной группой русских товарищей и после печальных резолюций Парижского Конгресса... уже стало недостаточным только не подчиниться драконовским уставам; необходимо стало, не ожидая больше, заложить фундамент дому, в котором смогли бы сдвинуться все анархисты, чьи двери не были бы закрыты, по соображениям тенденции, ни для кого, кто хочет работать в добром согласии с остальными товарищами... и в котором мы собираемся работать, всегда все более активно, для освобождения человечества, так страстно желаемого всеми нами...” 6).

Л. ФАБРИ О ПЛАТФОРМИСТАХ

Не менее важно и интересно мнение и Луиджи Фабри, который, разбирая предложение Себастьяна Фора о “Синтезе”, писал по поводу “Платформы” и платформистов и отношения к ним анархистов следующее:

“Рассмотрим поближе пункты расхождений, которые мешали бы всякой возможности функционирования организации, которая объединяла бы в себе различные анархические фракции без исключения.

..Смогли ли бы мы, например, ассоции-

роваться с платформистами, если бы они продолжали настаивать на своем желании ввести в анархизм системы, которые нам кажутся авторитарными, как те, которые были приняты на французском конгрессе в 1927 году?

“Нет! И Себастьян Фор и его друзья в этом с нами вполне согласны настолько, что вышли из-за этого из Областного Союза Анархо - Коммунистов Франции (Ю. А. К. Р.), в который входили составной частью.

“Из соображений практических, я бы предпочел, говоря правду, чтобы они оставались; мне кажется, что таким образом им удалось бы лучше поменшать отклонения от анархизма, которых они так боялись и устроили так, чтобы антианархические решения конгресса в Париже стали мертвой буквой; мотивы их выхода — справедливые, но они смогли бы, во всяком случае, выйти после, если бы им не удалось сохранить в Областном Союзе Анархистов - Коммунистов его анархический характер.

“Отделение в практической плоскости от анархистов, организовавшихся на основах неанархических и которые, в то же самое время, отбрасывают автономическую и федералистическую стороны анархизма — неизбежно.” 7).

“Вот уже некоторое время — пишет Фабри дальше в той же статье — как просачиваются в анархическую пропаганду и движение привычки, тенденции и вплоть до теоретических утверждений, которые находятся в противоречии с основными принципами анархизма: автономии в ассоциации, свободы индивидуальной и групповой инициативы, которые должны быть в основе всякой анархической организации, как бы обширна и сложна она бы ни была.

“После опубликования “Платформы” группой русских анархистов, которые предлагают создание анархической ассоциации на основах, которые совершенно противоречат вышеуказанному принципу и особенно после конгресса Анархического Союза Франции в ноябре прошлого года, который изменил свою внутреннюю конститу-

цию в духе окончательного авторитарного и антианархического, нельзя отрицать, что "Анархический спит" (Фора) появился как раз во время, чтобы напомнить товарищам, которые организуются, **необходимость** организоваться автономистически: что для анархистов организация есть принцип неотделимый от автономии...

"Но также — правда, что эти отклонения причиняются, как во Франции, так и в других странах, незначительным меньшинством, хотя на момент им и удалось привлечь к себе много внимания..." 8).

МНЕНИЕ МАКСА НЕТТЛАУ

Крайне отрицательных мнений о "Платформе" и платформистах можно было бы пугать бесконечное количество: Бертони, Уралес, Гуго Трени, Жан Грав, Робер Острайх, Пьер Рахус, Монтесени, Абад де Сантисан, Лопес Аранго, Пачеко, Бадаракю и все более или менее видные и идейные анархисты — все категорически высказались против "Платформы", считая ее **антианархической и авторитарной**, и ни один не высказался за "Платформу". Так что было бы достаточно и приведенного выше, чтобы каждый честно — мыслящий человек смог разобраться в сущности "Платформы" и смог создать себе **определенное** и категорическое мнение о ней и ее приверженцах. Но все таки мы считаем необходимым привести мнения Неттлау и Худолес, которые считаем крайне важными.

Мнение Неттлау заслуживает в данном случае особого внимания, так как оно есть мнение не только отдельного анархиста, а еще и одного из лучших знатоков анархической литературы и материалов анархического движения, а главное и **беспристрастно го анархического историка и ученого**.

Вот что писал этот историк анархизма и анархических движений о "Платформе" и платформистах:

"Ввиду спектакля абсолютной нетерпимости, которая сеет физическое разложение и разрушение в рядах социалистов всех стран, так же как и спектакля внедрения дикого фанатизма в ряды русского и французского анархических движений "Плат-

формой" и неким конгрессом, возмущение стало неизбежным: чаша переполнилась и усилия для создания дружески-товарищеской среды должны быть поддерживаемы теперь всеми силами.

"Предоставим развиваться и расти этому импульсу, и пусть эта работа делается в большом масштабе. Предоставим фанатикам объединяться между собой; но постараемся, чтобы товарищи с чувствами подали друг другу руки.

"Плоды фанатизма перед нами на лицо, начиная с 1917 года, в большевизме и в фашизме. И так же, как со временем все фанатики мира будут притянуты к этим двум полюсам авторитаризма и безчеловечности, мы должны ожидать, что наш полюс свободного товарищества, взаимной терпимости и благожелательства — притянет к себе все свободнические элементы человечества, будь они в настоящее время анархисты или нет. Слишком уж долгое время человечество видело в анархизме две фазы: любовь и уважение к свободе и проповедь единого средства разрешения экономического вопроса, разработанного уже заранее... Явное противоречие, которое я вполне в этом убежден, ослабило значительно силу притяжения анархизма для тех, кто мыслит и сделало из анархизма, прежде всего, вопрос веры или религии, личного предпочтения или чувствования...

"Мы отрицаем этот анархизм, дистиллированный и который отказывается входить в сношения с анархизмом других тенденций; мы отбрасываем этот изолированный продукт, единственный продукт. Очень хорошо! Но зачем же пересказывать отсюда к "Синтезу", зачем объединять все разные составные части его? Такая эволюция может быть после некоторых опытов — только разноречивостью...

"Мы только хотим заменить исключительность товариществом, слепую веру и горделивые утверждения заменить критическим пониманием: мы не хотим для анархистов **таможенной полиции** — хранителей чистоты доктрины — точно так же, как истинные интернационалисты не хотят границ

между территориями и государствами, которые неизбежно враждебны между собой так же, как враждебны между собой различные доктрины. Доктрины — так же мало социальны, как и государства, и многие из наших каждодневных поступков — даже и между анархистами — мы бесознательно совершаем под влиянием чувств авторитарных и государственных. Исключительность национальная, государственная, хранителей доктрин, синдикализма, анархизма, рабочих организаций, анархических федераций или групп и т. д., все это хоть и делаемое анархическими руками, — все это относится к типу явлений чисто авторитарных и не может быть так просто ассимилировано душою антиавторитарной, свободнической, и, раньше, или позже, должно будет утопить даже самых преданных делу товарищей...“ 9).

МНЕНИЕ АН. КОМ. СЕВ. АМЕРИКИ

Но не только теоретики, пропагандисты и историки анархизма так понимают отношение анархизма и анархистов к “Платформе” и платформистам, но даже и простые анархисты — рабочие дают себе отчет, что платформисты ушли от анархизма в своих предложениях и утверждениях.

Приведем, как пример, мнение одной анархо-коммунистической группы в С. Ш., входящей в Фед. Ан. Ком. С. Ш. и которая будто поддерживает “Дело Труда” и “Платформу”. Письмо это от 2 марта 1929 г.

“Вы, товарищи, не верите, что такие люди... могли бы изменить анархизму. Не они — первые, не они — последние. Мы видели как такие люди, как Новомирский, Ге, Шатов, Ярчук, Махно, Аршинов отошли от анархизма... Все они, оставив анархизм, как выходцы из рабочей и крестьянской среды, остались противниками буржуазии и пошли с большевиками, или же по дороге параллельно большевикам (Махно и Аршинов)...“

Пли вот выдержка из другого письма этих рабочих анархистов, но уже о практической деятельности платформистов в Сев. Американском русском анархическом движении. Письмо это от секретаря одной

группы от 22 августа 1929 г.

“Вам наверное наши платформисты пишут письма полные грязи, и если это так, не верьте им. Этих самозванцев почти в каждой группе имеется у нас и они ведут работу разрушительную...”

“Также вот еще. Я был на конференции федеративной в гор. Кливленде прошлой зимой от нашей группы. И что же вы думаете конференция решила относительно вашего органа “Голос Труда”? Конференцией было решено, за исключением 2 делегатов, “Голос Труда” признать органом анархическим и выдержанным с довольно боевой позицией и таковой распространять и помогать ему морально и материально.

“Но вдруг читаем резолюцию конференции в “Дело Труда” совсем не так. А это что значит? Значит, что резолюцию господин платформист Д., он же федеративный секретарь, написал как ему захотелось. Он думал, что сыграет роль диктатора, но получилось наоборот. Он своим поступком, можно сказать, федерацию разгромил. В настоящее время, можно сказать, что у нас федерации нет. Только несколько самозванцев осталось и орут во всю глотку, ругаясь во всю и больше ничего. Но предвидится, что, в конце концов, им придется замолчать вместе с их органом “Дело Труда”. Не хотят группы помогать и работать с ними и с их платформой. Хотя они в резолюции и пишут, что федерация всецело ее признала, но они врут и еще раз врут. Я был на двух последних конференциях и оба раза платформу оставили без внимания и сбили с порядка дня. Хотя защитники таковой и старались поднять вопрос о платформе, но были провалены.

И вот это я вам пишу честно и правдиво. Не верьте этим крикунам и их резолюциям. Пусть врут себе. И не думайте, что сев.-американские группы настроены против “Голоса Труда”. Наоборот, весь трудовой народ приветствует вашу газету. Только наши самозванцы мешают нашему и вашему идейному объединению. Но мы не падаем духом...”

МНЕНИЕ В. ХУДОЛЕЯ И ДРУГИХ.

Большинство анархистов во всем мире и в каждом отдельном движении против "Платформы", и платформисты, если бы они были последовательны со своими идеями, должны были бы подчиниться воле большинства анархистов и мнению анархического "коллектива". Но платформисты, все это и "подчинение большинству", и "коллективную ответственность" проповедуют для других, но они... для них ни мнение большинства, ни коллективная ответственность, ни личная ответственность даже, не существуют. За собою они признают право на полную безответственность. И платформисты, увидя, что в Европе и Америке они не находят эффективной поддержки своим анархическим идеям, начали на страницах "Дело Труда" получать поддержку из России, вплоть до поддержки "Дело Труда" в его борьбе против дезорганизационных тенденций товарищей, группирующихся вокруг "Голоса Труда".

Но у нас имеется достаточно оснований утверждать, что "московские товарищи" никогда с "Платформой" не соглашались и даже смеем сомневаться в достоверности некоторых писем из Москвы, появившихся на страницах "Дело Труда".

Наоборот, у нас имеются достоверные данные о том, что в Москве товарищи не читали ни "Дело Труда", ни "Голоса Труда", ни вообще заграничной русской анархической литературы; что платформу там прочли перед последним арестом московских анархистов и вывели к ней определенно отрицательное отношение и что обо всем судили в Москве со слов Аршинова. Об отрицательном отношении к "Голосу Труда" даже и помину не было.

Вот что, между прочим, писал Худолей в своем последнем письме, перед своим арестом, из Москвы, от 17 февраля 1929 г. К сожалению, подробное его письмо о "Платформе" почему то не получилось. Но и это синтетическое мнение Худодея, отражающее мнение большинства московских анархистов, ясно, определено и категорически против "Платформы":

"Письмо затянулось. Дня через два шло вам второе письмо о "Платформе" и Сандино. Платформу я прочел недавно и уже написал Аршинову о неприемлемости нескольких пунктов: а) нельзя всех анархистов загонять в один союз; б) нельзя вводить такой коллективной ответственности, о которой он говорит; в) нельзя анархическую коммуны заменять трудовой республикой социалистов - революционеров максималистов; г) нельзя говорить о защите революции так, как сказано в платформе: штыки не опора коммуны. Есть и другие пункты. Петр (Аршинов) понимает основные ошибки и имеет желание их исправить...

"Дело Труда" я видел не более десяти номеров, но из старых. Подробности в следующем письме. 17.2.1929. С тов. при советом В. Худолей".

Мнение Худодея и его московских друзей настолько ясно, что в комментариях не нуждается. Но что и характерно и важно, это — что для Москвы Аршинов признал, что его платформа — неанархическая, а вне России... он не только не признал этого, но даже скрыл это отрицательное мнение московских анархистов и... печатал письма о поддержке "Дело Труда" и т. д.

Видно, были правы болгарские товарищи, когда писали о платформистах следующее: "Или авторы этого считают анархистов за чистых неведом... или себе поставили скрытые цели, или... неведомы сами..."

Но анархисты не неведомы, не партийное стадо. Они были и остаются анархистами свободниками. И как ни тяжело переживать такие болезненные и ненормальные явления в анархическом движении, они их переживают и переживут и пропеснут анархический идеал свободническим вздохом все бури и невзгоды. Никакие авторитарно-властнические или просто злые попытки извратить анархизм и разложить анархическое движение не приведут ни к чему. Анархизм выйдет из этих невзгод только еще более крепким, а анархическое движение — более сильным и более мощным.

Мы же были, есть и будем безвластниками и анархистами свободниками пока

МИХАИЛ АРТЕМЬЕВ.

АНАРХИЧЕСКИЕ НАЧАЛА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ*

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ УИ-ХІ ВВ.)

КНИГА I.

Введение. За субъект (действующее лицо) русского исторического развития мы принимаем сам народный человеческий массив восточно - славянского народа. Исходное познание его индивидуальности, заложенных в нем потенций, есть залог понимания как каждого отдельного его проявления, так и всей его исторической Судьбы.

Человеческий облик, организация хо-

зяйственной бытовой жизни, система религиозных представлений и общественный строй восточного славянина, такими, как они оформились к УИ-УИІІ веку, к эпохе его расселения, каждое по своему, но все же поразительно согласованно, покажут нам во весь рост его индивидуальность, раскроют нам его основные, ведущие потенции. В дальнейшем трагическом переживании IX, X и XI веков они встанут перед нами еще ярче.

ГЛАВА I.

АРАХИЧЕСКИЙ ПЕРИОД.

* Курс лекций, читанных в 1928-29 г. в Советской России нелегально для молодежи.

этот идеал не превратится в жизненную реальность для всех людей на всем земном шаре.

"Голос Труда".

Примечания:

1) Луиджи Фабри "Об одном проекте анархической организации".

2) Малатеста — "Ответ Махно", см. Голос Труда №299.

3) М. Корн — "К вопросу об организации анархистов". См. "Фрайе Арбайтер Штиме", Нью Йорк, 1928.

4) М. Корн — "Об анархической организации во Франныи", "Фрайе Арбайтер Штиме", Нью Йорк, 1927.

5) М. Корн — "К вопросу об организации анархистов", "Фрайе Арбайтер Штиме", Нью Йорк, 1928 г.

6) С. Фор — "Ответ", "Ревиста Бланка", Испания №139 от 1 марта 1929 года, стр. 533.

7) Фабри — "Об одном предложении Себастьяна Фора", "Ревиста Бланка", Испания от 15 февраля 1929 года №138.

8) Фабри — "Об одном предложении С. Фора.

9) Марс Петтлау — "Об анархическом синтезе" Фора. "Ревиста Бланка", Испания, №141 от 1-го апреля 1929 г. стр.617.

Введение. Первые моменты, о которых можно судить исторически связно, застают восточного славянина в эпоху его расселения с Карпат по бассейну верхнего и среднего Днепра и по Приозерью.

Туземец севера этой области — финно-угорские племена (чудь, меря и т. д.) частью отступают сравнительно мирно под натиском энергичной славянской колонизации, частью смешиваются с ее носителями, создавая **новый этнический тип** восточного славянина, наделяя его вместе со своей кровью своеобразными чертами своей психики, своего мироощущения 1).

Одновременно с этим идет расселение родственных ему племен, радикально от условно принимаемого славянского центра IV-VI вв. — Карпат, к северо-западу и югу, соответственно, ближе к германскому и византийскому мирам.

О всем предшествовавшем этим переселениям (о пра-арханке по нашей терминологии) так же, как и об их причинах, мы можем говорить только в самых общих чертах. Намечающиеся тут бледные контуры, достаточно, впрочем, характерные, мы набросаем ниже (см. главу VI). До основательного знакомства с ликом славянского народа, с его глубоко трагической судьбой, рассказ этот свелся бы к однообразному повествованию о различных завоеваниях славянских племен (тогда еще не разделен-

ных) последовательно: римлянами (II в.), готами (III-V вв.) и аvarами (VII в.) и их постоянном переселении с Дуная на Карпаты и с Карпат на Вислу и Днестр. В этом переселении, колонизации, которые лучше было бы назвать **эмиграцией** и заключался тот своеобразный, одним славянам присущий способ самозащиты, освобождения от ниг своих жестоких поработителей: — это бегство в леса на север и северо-восток от щупальц спрута иноземного государства, куда только было возможно, где только ни ожидали их новые притеснители, — глубоко характерно для женственного этнического его облика. Отсюда и вытекала удивительная "неусидчивость" славянского племени при противоречащих ей, как будто, его очевидной невоинственности и постоянного стремления к земледелию и оседлости.

Эта эмиграционная динамика, служащая основным фоном архаики, и передвинула с Придунавья основную массу славян на северо-восток и северо-запад, оторвала их от южно-славянской группы (вошедшей в сферу влияния Восточно-Римской культуры) и развела северные ветви, направив их по двум расходящимся руслам: в Прибалтику и Приднестровье.

Образовавшиеся ветви общеславянского племени (западные и восточные славяне) так сильно разошлись в историко-этническом отношении, что протекло уже тысячелетие, оказавшееся безплодным в деле преодоления их братоубийственной розни.

Мы начинаем наше изложение с VII-VIII веков — эпохи расселения восточных славян по Русской Равнине. Чрезвычайная скудость материала, относящегося к этому времени (почти полное отсутствие памятников, несколько отрывочных свидетельств иностранцев) позволяют набросать его только **статически**; говорить о процессах, протекавших в пределах архаической эпохи у нас нет никакой возможности.

Сознавая всю коренную недостаточность такого подхода со строго-исторической точки зрения, мы постараемся по крайней мере, за этими статическими форма-

ми увидеть лицо народа, к изучению которого мы приступаем.

§1. Искомый облик славянина рисуется нам особенно четко при рассмотрении всей системы его религиозных представлений, в свою очередь чрезвычайно пригодных для этой цели; ничто из Архаической эпохи не сохранилось для нас лучше ее язычества, благодаря его необычайной устойчивости, обильным его пережиткам в обрядах, поговорках и преданиях с одной стороны, и многочисленным, хотя и разрозненным свидетельствам современников с другой 2).

На самом дне догматического учения славянского язычества лежит едва сознаваемое, но присущее всякому без исключения язычеству, противопоставление Света-Огня-Неба и Воды-Земли; как мужского и женского элемента, равнозначного и равноценно участвующих в создании Вселенной. Как отголосок и подчеркивание этой квази-половой полярности космических принципов, в выполнении обряда поклонения, мужчины отделяются от женщин, — они различно должны воспринять древнейший миф о брачном союзе Земли и Неба, ибо он ясно приписывает Небу воздействующий, мужской тип, Земле — воспринимающий, женский. Непосредственно из этих теологических прозрений вытекало и само религиозное действие. Славяне молятся Небу — вот единое гласное свидетельство иностранцев — современников Архаической эпохи. Бесчисленные предания, обычаи, песни, другие факты фольклора, исключительно долго сохранившиеся, а также очевидные reminiscences языческих настроений в современности целиком это подтверждают.

Сварог — верховный Бог небес, весь пантеон — Сварожичи — сыны Бога — Сварога "Единого Бога", пишет византиец X-XI вв. Прокопий "считают они Владыкой всех, ему приносят всякого рода жертвы". — Прабог — у южных славян, Святovit у западных, — а у восточных славян Верховное Божество называлось Белобогом, Дедом, Сварогом. Значение теократической власти и исключительности совершенно не разнилось славянским язычеством: — простой,

светлый, добрый, — сознание этих его качеств предупредило все остальное и частично именно это наложило печать мягкости и какой-то светлости на наших предках, частью им же и было вызвано. На Украине и в Болгарии рассказывают замечательное предание, что Дедо-Бог ходил некогда по земле в виде старца, поучал людей жить, пахать и возделывать землю. 3) Белун, Бел-бог появляются и теперь в крестьянской Белоруссии. Таким образом безусловно главенство светлого Бога-Сварога в архаической мифологии, до появления и религиозно-политического узурпаторства позднейшего, варяжского Перуна 4), совершенно славянству чуждого, роднит ее с чистейшими истоками общеславянского солнечного мифотворчества.

Но не сам верховный Бог действует в мире: "Солнце — царь, сын Сварогов иже есть Дажьбог" 5), — Божик хорватов, Сварожия балтийцев — вот в ком сосредоточена вся сила солнца, вся благодать его действительности. Дажьбог — это буквально — Бог-Податель всех благ. Мы никогда не можем заметить в нем ни малейшего оттенка злобы или недоброжелательства к человеку, к животному, к природе. Все это вместе с ярким личным моментом и с удивительными теогоническими прозрениями, роднит Дажьбога со сверкающим Ормуздом иранцев, а возглавляемую им религиозную систему — с общеславянскими солнечными культами. Апофеоз te-ligia заключался в отчетливом сознании единства народа Богу. Люди назывались Дажь - божьими внуками 6). Он являлся сакральным символом объединения восточно-славянского племени, в котором очевидно, намечалось к XI веку пробуждение отчетливого общенационального самосознания. Глубокий религиозный вкус, духовная чуткость заставляли славянина видеть в солнечном боге только доброе, светлое существо, многие черты которого позднейшие миссионеры находили возможным и нужным принимать проповедываемому ими христианскому Богу. Правда, навстречу этой проповеди пло вослеле восприятие христианства из недр самой народной сре-

ды, конечно, не пожелавшей расстаться со своим язычеством, исполнившим всю его архаическую культуру; (вообще, нет ничего столь устойчивого в народе, как его религия, в данном случае его язычество) и не видевшей в этом ни малейшей надобности. Позднейшим пережитком такого отношения к язычеству остались, например, упоминаемые Б. Соголовым реминисценции имени Дажьбога в песнях и обрядах, внешне вполне уже христианизовавшихся праздников. Ни те миссионеры 7), которые так поступали, ни сами язычники не ошибались. На язычество существует официально - церковный взгляд, который относится резко отрицательно к наиболее светлым его сторонам, и вот почему: оказывается, что дьявол сознательно, для соблазна "верующим" наделил языческих богов качествами, образами, свойствами и христианскому Богу; он же воздвигнул мифологию язычества, тождественные с христианскими. Поэтому и надлежало в них особенно ненавидеть именно все светлое 8).

Мы думаем, что язычество, выражая определенное отношение к миру и жизни у людей какой-либо этнически-связанной группы, глубоко лично и потому не должно исчезнуть при ее истинной христианизации. Элементы этого отношения войдут неизбежно в органическое восприятие христианства, как раз они сделают это последнее восприятие органическим. Чуткое язычество (таким было, например, арийское) — есть предположение христианства, поэтому христианизация должна только раскрыть языческую религию до христианской; в частности преобразить, поднять, но не зачеркнуть и выкинуть языческий пантеон 9).

То-же чутье и вкус, заставившие считать Дажь-бога исключительно светлым божеством, подсказали славянину осознать носителя мирового зла, чрезвычайно еще примитивного — первичное зло приходит в обличье беса, а полнота зла воплощается только через историю — трансцендентным природою, иерархической квалификацией и с вполне выраженным личным характером. Бог молодого чувственного солнца — Ярило, Бог

пока что только плодородия, похоти (Тур у западных славян, местами Купало) в сущности только полубог, родственными узами с Дажь-богом, а тем самым и со Сварогом не связанный (так далеко шла его отдаленность от верховного Бога), он соединял знойные призывы молодого солнца со страстной природой здорового тела, ему местами посвящались как будто-бы празднества на Великой Белой Руси. Это отношение к нему гораздо позднее и лишь на извращенной своей периферии принимало как будто бы (если допустить наихудший и недоказательный случай) оттенки фаллического культа. Однако, несмотря на это падение, органическое положение полубога опять рисует нам религиозную одаренность, так сказать, "праведность" славянина. Несмотря даже на существование посвященного ему культа (что продолжает быть сомнительным) Ярило не мог бы, да и не покушался стать верховным богом, как это делали боги некоторых семитских племен (Ваал, Молох, Мелькарт), обладавшие значительно более предрассудочными свойствами, просто потому, что эпитет полубога (из "сварожничества") ставил под сомнение самое божеское его происхождение и тем самым — достоинство.

Второй сын Сварога после первородного Дажь-бога — Стрибог: Бури, вьюги, ветри — стрибоговы внуки. Не давая много для приводимого нами догматического анализа, Стрибог служил поэтическому творчеству славян неисчерпаемым источником художественных образов; из высших богов он отличался непосредственной близостью к быту и сумел стать своим, нечуждым, несмотря на вызываемые им бури и снежные метели, столь суровые и частые в приднепровье.

Вот и весь необширный, но внутренний упругий, чрезвычайно цельный и характерный славянский пантеон праздничных, старших (исключая Ярилы) богов. Из полубогов, наиболее характерных, мы упомянем двух: Ладо (Диди-Ладо) и Леля (Диди-Ле-ля). Боги ранней весны, благоухающих цветов, песни, любви и брака, меда и пчел, — они вдохновляют славян, посвящаящих им обоим лучшие свои, простые и сильные, гаубокасомобитные песни. Замечательно, что

оба они вместе, еще в глубокой древности (мотив, параллельный земному хождению Сварога) научили народ лесному, сначала примитивному, пчеловодству: "пчелы им налезши и бортн верх древня устроиша", как повествует об этом поэтическое предание. Ладо почитают еще покровителем земледелия. Это он научил сеять просо, с работами по культуре которого он продолжает быть как-то связанным и по-сейчас. Дальше, когда мы увидим, что бортничество и примитивное земледелие является основой хозяйственной жизни народа, образы этих богов будут говорить нам об общем характере его еще несложной, жизни, о том интимном отношении к миру и природе, о том **основном** чувстве, с каким древний славянин шел с мотыгой на тяжелую полевую работу или отправлялся в лес за сбором мягкого воска, душистого, прозрачного меда.

Не менее важны повседневные, так сказать, будничные образы язычества. В них уже непосредственно сказывался спосіб восприятия древним славянином, как его собственной, так и окружающей его жизни. Прежде всего для него, как и для европейского первофилософа Фалеса "природа полна демонами". Все есть жизнь, часто очень непохожая на нашу привычную, но не менее от того действительная. В каждом камне хоронится душа, она видна и в резком порыве ветра, шепчет и в журчании ручья, таится в недвижном дереве. Законы природы, ее явления слагаются из паутины, которую тклет воли этих бесчисленных духов, живущих всюду. Русалки, берегини, водяные, домовые и прочие только самые главные, но кто знает имя, или только может перечислить всех прочих?

Такое глубокое, подлинно космическое, чувство не вырывало человека из общей жизни, противопоставляя его природе, а говорило об их изначальном единстве, о возможности воссоединения, о необходимости взаимной любви. Можно не согласиться с неспешностью гносеологии, вытекающей из такого мировоззрения (чего автор, будучи убежденным волюнтаристом отнюдь не склонен делать), но можно и должно приписать именно этому отношению больший, обо-

стренный и в то же время менее корыстный интерес к явлению природы, как таковому. большую внимательность, чуткость к будням природы, несравненно более острую восприимчивость к ее праздникам 10). Все это вместе взятое делало самый быт славянина наполненным, богатым всевозможными переживаниями, делало его живым. Человек 11) ощущал природу так, как теперь он ощущает лишь равных себе людей. Он различал в ней добрые и злые влияния, вел, молился и уговаривал с нею, укорял и любил ее, величался и унижался перед нею, словом, это было постоянное ощущение любовного единения. Непостижимо для нас древняя душа видит, как единое и цельное то, что мы сознаем, как различное и враждебное друг другу“.

Достаточно перечислить Афанасьевский сборник 12), чтобы почувствовать, как светло и радостно было для славянина, окруженному бесчисленным множеством духов, чаще всего доброжелательных, но подчас жестоких и злых; каким интересом и чуждо-детской впечатлительностью полны его тени — мифы, воспевавшие и столь грандиозное для него событие, как восход солнца и незаметный нам теперь, но полный скрытого смысла неожиданный порыв ветра. Травы, цветы, птицы, возбуждают к себе заботу и любовь. Благоговейно описывается трава “тихоня” в белорусском “Травнике”: “Растет она зеленя, листочки маленькие рядышком, рядышком цветочки синенький. Растет она на земли, стелется у разные стороны”. В строгом соответствии с этим светлым настроением, полным тихой радости, находился культ, то несовершенное внешнее проявление, которым оформлялось это, внешнее проявление, которым оформлялось это еще нерасчленившее религиозное сознание.

„Все славяне—огнепоклонники. Хлеб наиболее ими воздвизаемый — просо. В пору жатвы кладут они просыяное зерно в ковш, поднимают его к небу и говорят: “Господи, ты, который даешь нам пищу, снабди теперь нас ею в полноту мере“.

(Ибн-Даста, нач. X в.) 13).

Нельзя не замечать и другие, темные

стороны славянского быта, жизни и сознания, — их, конечно, не могло не быть, но не это существенно. Здесь говорится о том важном, что их отличало от нас, современных, не смотрящих уже к небу, не молящихся вообще, видящих в природе или возможность выгоды или скрытого врага. И тогда нельзя будет отрицать, что во всей совокупности этих представлений ясно сказался облик миролюбивого, светлого, радостного человека, чуткое сознание которого было раскрыто к исходящим лучам солнца, человека, живущего чрезвычайно, вдвойне по сравнению с нами, наполненной, красочной и богатой впечатлениями жизнью. К тому же выводу, но с другой стороны, приведет нас рассмотрение его хозяйствования, чему посвящен следующий очерк.

В вопросе о хозяйствовании славянча эпохи переселения мы не имеем оснований не присоединиться к точке зрения талантливого марксистского историка М. Покровского 14), достаточно хорошо им аргументированной. В развернутом виде его тезис мы формулируем так: славяне VII-VIII вв. лесостепной народ, живущий на первом месте бортничеством (мед, воск) и полукочевым, мотыжным земледелием (просо), так же свиноводством и не знающий ни постоянной охоты, ни торговли.

На первом месте в оправдании этого стоят соображения лингвистики, сельскохозяйственные термины: пахать (орать), жать, косить; названия хлебов: рожь, овес, ячмень, пшеница — обще славянские, так же как на звание хлеба — жито одного корня с жизнью. Это обстоятельство указывает, что земледелие было основным занятием славян еще до разделения и что хлеб у них, как и у современного крестьянина, составлял основу пищи. При всем том техника земледелия, конечно, не выходила из возможностей каменного века с одной стороны, и из возможностей полукочевого племени — с другой. Подбор бросаемых семян был случаен, орудием разрыхления земли служила мотыга, и, б. просто крепкий сук. Остальные занятия служили подспорьем этому основному — близость реки давала примат рыболовству, леса

— пчеловодству и т. д. В оправдание этого построения приведем свидетельство уже использованного нами арабского писателя X в. Ибн-Даста: 15).

“Страна славян — страна ровная лесистая, в лесах они и живут. Они не имеют ни виноградников, ни пашен (постоянно обрабатываемых пашен в том смысле, как это слово понимали на востоке). Из дерева выделывают они род кувшинов, в которых находятся у них и улья для пчел и мед пчелиный собирается. Они пасут свиней на подобие овец. Больше всего сеют они просо... рабочего скота у них мало...”

Здесь полностью содержится описание примитивного, но уже важного во всей жизни славянина земледелия. Кроме того в этом сообщении скрыто еще несколько косвенных утверждений. Говоря о лесной стране, Ибн-Даста ни словом не обмолвился ни об охотничьем промысле (несмотря на то, что Ибн-Даста не был очевидцем, это может служить все-же доказательством случайности, несущественности охоты), ни о торговле, которая бросалась в глаза при описании им жизни соседних славянам волжских болгар. Слабость развития скотоводства характеризуется тем, что впоследствии, при появлении торговли, скот мог стать единицей меры: значит его было немного. Случайная охота, особенно рыболовство было, следовательно, незначительно в бюджете натурального хозяйства пра-земледельцев-пчеловодов, какими в первом приближении являются перед нами славяне. Нечего и говорить, насколько величественный образ мирного земледельца-пчеловода, не знающего ни жестокой охоты, ни суетливого торгашества, соответствует психическому облику славянина так, как он нарисовался нам при рассмотрении его песни, обращенной к небу—его спокойного, этически ясного и светлого язычества.

Только таким, строго разнозначным, и могло быть это соответствие, ибо очевидно, что все элементы (религиозные представления, человеческий облик, способ хозяйствовать) являются единым проявлением одного и того-же национального принципа.

Принципиальному изменению способа хозяйствования неизбежно должна сопутст-

вовать какая-то перемена в религиозном и нравственном облике народа, словом, изменения в самом национальном гении. Поэтому, когда позже, в IX, X веках, мы сталкиваемся с чрезвычайно существенной переменной — появлением культа жестокого, темного бога Перуна, развитием разбойничьей работорговли и пиратства, так противоречащим первоначальному представлению о славянах, то мы естественно ожидаем здесь чуждых этнических явлений, вызвавших столь радикальное перерождение. Это ожидание, как мы это ниже увидим, нас не обманет. Изменения эти, как мы ниже покажем, упадут целиком на счет германо-скандинавских и хозаро-арабских влияний и мы не будем поэтому вносить на основании одного только их появления какой-либо корректив в тот цельный, монолитный облик славянина, каким он нам уже частично вырисовался.

Нас также не смутят аналогичные наблюдения, которые мы могли бы сделать над западными славянами вскоре после их расселения, несмотря даже на то, что мы отметили-бы там более быстрое и радикальное разложение архаической чисто-славянской организации жизни и хозяйства под влиянием более мощной и концентрированной воли самого беспощадного опрессора 16).

3. Теперь нам представляется своевременным описать человеческий облик, быт и обций, так сказать, жизненный тонус славянина архаической эпохи. Что здесь может служить нам источником? Прежде всего, конечно, наша летопись. Однако, к ней следует подходить с осторожностью. Документ позднейшего времени всегда узко пристрастный в своих характеристиках не может, а priori, внушать нам доверия, особенно в отношении столь деликатного вопроса. Однако, одно побочное обстоятельство меняет картину и делает для нас достаточно убедительным даже ее положительные оценки. Дело в том, что летописец — киевлянин, варяг и киевский патриот старается нам противопоставить “добродетельных”, т. е. опрессорных полях “жестоких” древлянам, вятичам и всем прочим племенам. Очевидно, что обе характеристики — своих и чужих — пристра-

стия, справедливо нечто среднее, ибо в УИИ в. фактически не могла еще осуществиться столь большая разница между непосредственно родственными племенами, какими были, например, поляне и древляне. Характеристика полян, предложенная летописцам, за вычетом пемногого (дань его патристическому пристрастию), может быть с одинаковым правом приложена ко всем славянам вообще, ибо, повторяю, нет никаких оснований считать полян за особо мирное и добродушное славянское племя, даже напротив, могут быть приведены соображения, говорящие в пользу их относительной воинственности под влиянием некоторых обстоятельств для них внешних. С этими оговорками мы и приводим фрагмент летописного свидетельства:

(Продолжение следует)

1) См. "Русская История" ред. Довнар-Запольского М. 1912 и А. Шахматов "Древние судьбы русского племени" изд. Русск. Ист. Журн. В-ад. 1919 г.

2) См. А. С. Фамицын "Божество древних славян" СПб 1880. М. В. Аничков "Народная поэзия и древние верования". (Ист. Русск. Лит. Изд. Мир.) М. 1908

Е. Г. Качаров "Религия древних славян" (М. 1918 № 4) М. Е. Соколов "Старо-русские боги и богини" (Сибирск. 1887). Н. Я. Сыров "Мировоззрения наших предков" (1897).

3) А. С. Фамицын *ibid*.

4) Этот существенный факт будет ниже подробнейшим образом доказан.

5) Ипат. Лет. а также у Гельмольда (XII в) "Между многообразными божествами они различают единого бога на небесах поведе-

вающего прочими"... "Он самый могущественный, заботится только о небесах, а эти, исполняя возложенные на них обязанности, происходят от его крови".

6) "Саово о полку Игореве" (XII в.).

7) Ниже мы увидим, кем были эти "миссионеры".

8) На западе это учение особенно было развито темно-церковным фанатиком Тертулианом.

9) Конечно, это не может касаться других извращенных затемненных языческих систем, которые до своего преобразования должны пережить кризис.

10) Мы ни за что не ошибемся в том, кому приписать высшую культурность: дикому или обитателю Чукотки, который, отправившись на рыбную ловлю, неожиданно останавливается, как вкопанный, пораженный неожиданной красотой восходящего солнца, и, забыв о своем промфинплане, вынужден затем сам голодать день, два, несколько не сожалея о случившемся — или высоко цивилизованному бюргеру, который если и пойдет раз в год послушать Бетховена, то только сытно покушав, и ни в коем случае не забыв свою кружку пива.

11) А. А. Влоск. См. Ист. Рус. Литературы. Изд. Мир. 1908.

12) Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М.

13) А. Я. Гаркави "Сказания мусульманских писателей", СПб 1870.

14) М. П. Покровский "Русская история с древних времен" ГИЗ т. I.

15) А. Я. Гаркави *ibid*.

16) См. М. Любавский "История западных славян". Сабатин. М. 1914 г.

АНАРХИЗМ В РОССИИ

Анархизм в России появился впервые в семидесятых годах, будучи перенесен русской эмиграцией из-за границы, где он пользовался большим влиянием. В революционном движении 70-х годов было три течения, и все они были более или менее окрашены в анархический цвет: бакунизм, учение Лаврова и течение, возглавляемое Ткачевым, издававшим журнал „Набат“, и представлявшее что-то вроде бланкизма. Все эти течения, одно в большей, другое в меньшей степени, считали необходимым установление безгосударственного строя, согласно теории анархизма, но расходились в тактике. В то время как бакунисты считали возможным в ближайшем будущем путем народных восстаний совершить социальную революцию, сторонники Лаврова считали социальную революцию делом более или менее отдаленного будущего и выдвигали необходимость серьезной и длительной пропаганды.

Ткачев же считал, что социальная революция может быть совершена только как следствие широко задуманного террористического заговора.

„ХЛЕБОВОЛЬЦЫ“

После разгрома народнического движения 70-х годов анархизм теряет свое влияние на революционные организации и только в начале нынешнего столетия он снова возрождается, при чем пропаганда идей анархизма ведется первым русским анархистским органом, издававшимся в 1903 г. при активном участии Кропоткина, Черкезова и др. Этот орган носил название „ХЛЕБ и ВОЛЯ“, и все приверженцы проводимых им идей назывались „хлебовольцами“. Первое время анархистские идеи не имели успеха среди рабочих России, но уже в 1904 г. и особенно в 1905 г. интерес к анархизму значительно возрос. Среди отдельных слоев рабочих, на юге, юго-западе и северо-западе, появились группы анархистов. Революция 1905 г. особенно ее поражение после московского декабрьского восстания, открыла анархистам и усладила их деятельность в разных местах России.

Почти все действовавшие в 1904 г. и в начале 1905 года группы анархистов были сторонниками Кропоткина. В 1904 г. они устроили первое совещание, на котором приняли целый ряд резолюций, легших в основу практических действий наиболее сильной в то время в России группы анархистов-коммунистов „хлебовольцев“. Постараемся вкратце изложить теоретические основы учения этой группы.

1) Всякое государство не только бесполезно, но и вредно.

2) Анархисты должны стремиться к созданию антигосударственного коммунистического общества.

3) Необходимо преобразование общества в духе коммунизма.

4) Цели анархистов могут быть достигнуты только путем полного разрушения капитализма и государственного строя, его поддерживающего.

5) Анархисты отвергают всякие программы — минимум, не признают никаких промежуточных этапов, задерживающих развёртывание революции.

6) Анархисты должны быть готовы к объявлению всеобщей забастовки в городе и в деревне. Эта забастовка должна послужить сигналом для революции не только политической, но и коммунистической.

7) Единство анархистского движения должно быть достигнуто не путем создания центральных комитетов, а лишь объединением одинаково мыслящих идейных групп.

В своем органе „Хлеб и Воля“ кропоткинцы дают ряд статей, являющихся комментариями к вышеперечисленным тезисам.

В статье „Почему у нас нет программы-минимум“, напечатанной в журнале „Хлеб и Воля“ в 1904 г., читаем: „Мы не думаем, что ближайшая революция приведет нас к осуществлению нашего идеала во всей полноте; революция будет делом не одной какой-нибудь партии, а также не может сразу устранить всех пережитков старого общества, но вместе с тем мы знаем, что она пойдет в направлении равнодействующей всех сил,

использованных для дела, и чем настойчивее и абсолютнее мы будем действовать в принятом нами направлении, тем сильнее обнаружится его влияние“.

„Мы, — пишут они в статье журнала „Хлеб и Воля“ номер 6, посвященной стачкам, — должны безустанно бороться за проведение наших идей в жизнь. Этим путем мы косвенно можем повлиять и на проведение частичных реформ. Особенно подчеркиваем мысль, что борьба за реформы не может быть предметом анархической деятельности, а является лишь чем-то приводящим в борьбу за полное осуществление идеала... Борьба за частичные реформы представляется важным делом, пока она не превращается в принцип, в противном же случае она перерождается в реформизм... Мы враги реформизма потому, что не желаем потом опять возобновлять бесплодный период мечтаний о примирении капитала с трудом при помощи взаимных уступок“.

„Вопрос об отношении к профессиональным союзам стал предметом горячих споров для всех анархистских течений. Из целого ряда статей мы убеждаемся в том, что „хлебовольцы“ признают огромное значение профсоюзов. Они рекомендуют анархистам вступать в члены союзов, но не рекомендуют заниматься их организацией в России, прежде всего, потому, что это отвлекло бы силы анархистов и отодвинуло бы анархическую рабо-

ту на задний план“.

„Вопросы политического и экономического террора анархисты — „хлебовольцы“ разрешают в положительном смысле. Они считают эти способы борьбы в революционной обстановке необходимыми для дезорганизации капиталистической системы и нападают в своих статьях на социалистов-революционеров за их непоследовательность в этих вопросах.

„Хлебовольцы“ высмеивают с-р. за то, что те думают добиться разрешения аграрного вопроса парламентским путем, собрав большинство голосов в земском собрании или в государственной думе“.

Организационные принципы анархистов — „хлебовольцев“ разрешаются ими в духе федерации. Существующий в других политических партиях тип централизованных или, по выражению анархистов, иерархических организаций анархистами отвергается, так как этот организационный принцип убивает всякую личную инициативу, душит самостоятельность членов организаций и отдаст всю организацию в руки небольшой группы так называемых вождей — руководителей, которые повелевают массами.

В период 1903-1906 г. г. анархисты-коммунисты группы „Хлеб и Воля“ пользовались очень большим влиянием, по сравнению с прочими группами.

(„Анархисты“)

Для чего существует анархическая пресса.

На этот вопрос можно найти ответ в № 9-ом парижского, а ныне чикагского "Дело Труда", за февраль 1926 г., в заметке "Против дрызг в анархической среде", которую мы приводим полностью ниже для вразумления забывших о ней аршиновцев.

"ПРОТИВ ДРЯЗГ В АНАРХИЧЕСКОЙ СРЕДЕ"

Несмотря на то, что практика личных споров и дрызг, выносимых на столбцы нашей прессы, постоянно осуждалась и клеймилась, как позорящая наши ряды, тем не менее до сих пор отдельные т-щи прибегают к этой практике, мало думая, должно быть, о том, сколь это унижает нашу прессу и разлагает наше движение.

В № "Рассвета" Н. Махно, возражая на замечания т.т. Шапиро и Мрачного по поводу махновского движения, допустил резкие выражения по их адресу.

Реагируя на резкости Махно, т. Шапиро в своем ответе (Голос Труж. № 11) прибег к намекам и двусмысленным выражениям, бросающим тень на Махно, как на политического работника.

Вслед за Шапиро (Гол. Труж. № 12) в спор вступил, без всякого к тому основания, Б. Еленский, также постаравшийся унижить личность Н. Махно и ни словом не упомянувший о недопустимом поступке А. Шапиро.

Т. Махно, отвечая Еленскому, прибег к совершенно недопустимым выражениям и отзывам о т-ше П-ом, который не имеет никакого отношения к заграничным дрызгам ("Рассвет", № 479).

То обстоятельство, что Н. Махно является членом Группы Русск. Анархистов За-

границей (к слову сказать принципиально высказавшейся против всяких личных споров и дрызг в анархической прессе) побуждает эту группу в порядке организационной дисциплины вынести порицание Н. Махно за его поступок и печатно осудить образ его действия, выразившийся в абсолютно недопустимых выражениях и отзывах о П-ом.

Осуждая поступок Н. Махно, мы столь же решительно осуждаем поведение Шапиро и Еленского, обрадовавшихся случаю поругаться печатно.

Анархическая пресса существует для пропаганды идей анархизма, для разработки его теорий, для политического воспитания масс и для развития в нас духа солидарности и товарищества, а не для брани и сведения личных счетов.

Предлагаем всем анархическим изданиям повести решительную борьбу с позорным явлением печатной ругани. Этому безобразию давно пора положить конец.

Документы, содержащие элементы личной и фракционной ругани, следует неизменно бросать в печь или отсылать авторам. (Курсив наш).

ГРУППА РУССКИХ АНАРХИСТОВ ЗАГРАНИЦЕЙ.

Комментарии к этой резолюции излишни. Беда только в том, что аршиновцы, отводящие добрую часть "Дела Труда" на скверный и сведенный личных счетов, позабыли об этой резолюции, вынесенной ими четыре года назад. Мы и обращаем на нее их внимание, хотя может быть это совершенно бесполезно, ибо, как говорят, горбатого только могила исправит.

Мелкие заметки и сообщения.

ГОДОВЩИНА СМЕРТИ ФРАНЦИСКО ФЕРРЕРА.

13-го октября с. г. исполнилось 21 год со дня казни известного испанского анархиста, поборника свободного воспитания, Франциско Феррера. Его вина состояла в том, что он путем создания частных школ воспитывал молодое поколение в свободном безвластническом духе, и тем восстановил против себя католическую церковь и буржуазное правительство. Его обвинили в соучастии в противоправительственном заговоре, к которому он не имел никакого отношения, и по настоянию незуитов, казнили. В награду за свое нудино дело, незуитам были переданы основанные Феррером школы и имущество.

Спустя некоторое время после казни, была установлена полная непричастность Феррера к заговору, и он был объявлен невиновным. Испанское правительство, вкупе с незуитами, убило таким образом Феррера и впоследствии созналось в совершенном преступлении.

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ИТАЛЬЯНСКОГО АНАРХИСТА.

В Детройте, в конце сентября месяца, был убит итальянский анархист Петр Патрелла, оказавший вооруженное сопротивление авиационным арестовать его полицейским. Один из полицейских был убит им.

Патрелла разговаривал с полицией по делу об убийстве в Авелла, Па. на мемориальном митинге Сакко и Ванцетти двух коммунистов в состоянии самообороны.

Мемориальный митинг был использован коммунистами для опорочения анархического движения. Присутствовавший на митинге Патрелла запротестовал. Когда коммунисты с палками набросились на него, он, защищаясь, открыл стрельбу и убил двух коммунистов.

Из Авеллы Патрелла скрылся в Детройт. Какой-то иуда донес полиции. Патрелла решился живым в руки полиции не сдаваться и, отстреливаясь, погиб.

Отец Патреллы и брат, тоже анархисты, были убиты фашистами в Италии. Другой его брат погиб в тюрьме в Аргентине.

ГОНЕНИЯ НА АНАРХИСТОВ В СССР.

Большевизмская реакция учинила новый погром на анархистов в СССР. В Москве арестована группа анархистов во главе с А. Солоновичем. В числе жертв следующие анархисты: Ю. А. Завадский, Л. А. Никитин, А. С. Поль, Гейко, Смирнов и др.

Арестованные относились лояльно к советской власти, принимали участие в северском строительстве, и подверглись опале только за свои анархические убеждения.

Арестованный раньше анархист Л. Блюмин сослан на три года в Шадринск. А. Наумов тяжело болен, но несмотря на это, он выслан на 3 года в Нарым. М. Всеволюнский выслан на 3 года в Ирбит. Тарвольский, Коних, Махонин, Сильвестр и Плотиных отбыли 5-ти летний срок ссылки на Соловках и снова высланы на три года в Архангельск. К. Доценко выслан на 3 года в Усть-Сысольск. Недавно также арестован анархист В. Беляев.

ПОПЫТКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИНДУСТРАЛИСТОВ.

В организации Американских Индустриальных Рабочих Мира все еще продолжается междоусобица, приводящая к раскоду в 1924 году на сторонников децентрализации с анархо-синдикалистскими тенденциями и сторонников централизации с большевизмским уклоном.

Возгоревшаяся на этой почве фракционная вражда пагубно отражается на росте и развитии организации индустриалистов в целом.

Недавно была предпринята попытка ликвидации этой междоусобицы. Избранные от обеих сторон комиссии, однако, не могли прийти к какому-либо соглашению. Остается надежда на вмешательство членского состава в этот вопрос и его разрешение в благоприятном смысле.

УСИЛЕНИЕ АНТИМИЛИТАРИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ в ЕВРОПЕ

Нам пишут из Бельгии: „В Европе за последнее время необычайно оживилась кампания в пользу отказа от военной службы, отмены всеобщей военной повинности. Эта кампания ведется теперь главным образом анархической прессой. Во Франции, где вся анархическая пресса проявляет в этом вопросе исключительную солидарность, образован „Комитет защиты Е. Гюйо“, который, возникнув для защиты Е. Гюйо (осужденного 10-го января за отказ к году тюрьмы), распространяет теперь свою деятельность на все аналогичные случаи и, вообще, ведет чрезвычайно интенсивную пропаганду. Процесс Е. Гюйо был интересен тем, что для его защиты мужественно выступили перед военным трибуналом люди, казалась-бы, самых различных направлений. Так, в числе его защитников были: католический аббат Баш, протестантский пастор Розер, писатель Ривер, профессор философии Шаллей, Жорж Пиош и др. — все они смело говорили о том, что отказ от военной службы долг, обязанность всех искренних друзей человечества“.

РАЗРЫВ СВЯЗИ С „ИЛ МАРТЕЛЛО“.

Анархические группы — Саут-бруклинская, Монтроз аве и Сирколо Волунта, — объединенные вокруг английского журнала „Путь к свободе“, заявили о своем разрыве связи с Вестфильдской анархической группой, поддерживающей отношения с итальянской газетой „Ил Мартелло“ и Карлом Треска, редактором последней. В заявлении не указываются мотивы разрыва. Фридомцы заявляют: „Мы стремимся к установлению дружественных отношений со всеми товарищами, принимающими активное участие в распространении анархических идей. Мы, однако, не желаем, чтобы нам диктовала какая-либо группа, или личности. Мы никому не диктуем и не стремимся оказывать влияние на другие анархические группы, и поэтому мы требуем для себя полной автономии и свободы действий в ведении английской пропаганды“.

ТОМ МУНИ И БИЛЛИНГС В ТЮРЬМЕ.

Калифорнийские власти никак не могут расстаться с попавшими в их когти жертвами капиталистического производства. Том Мун и Биллингс продолжают гнить в тюрьме вопреки всем усилиям передовых элементов страны, добивающихся их освобождения.

Защите удалось установить полную непричастность к преступлению, за которое капиталистический суд осудил их на пожизненное заключение на основании сфабрикованных доказательств и лжесвидетельств. Лжесвидетели отказались от своих показаний, даже осудившие Муни и Биллингса судья, прокурор и другие представители власти убеждены в их полной невинности, и об этом сделали соответствующие заявления.

И тем не менее Муни и Биллингс остаются за решетками только потому, что их освобождения не желают капиталисты штата Калифорнии, по настоянию которых все дело было сфабриковано. Послушные им американские политики исполняют волю своих хозяев и гноят невинных людей в тюрьме.

Позорна в этом деле роль губернатора Нюнга. Он все время давал понять защите, что не прочь освободить узников при наличии известных условий. Когда защите удавалось выполнить их, то он уклонялся от действий и всячески тормозил дело. Слыня за либерала, губернатор Нюнг пытался с одной стороны выставить себя в роли „защитника обиженных“, а с другой стороны — угодить капиталистам, и не выпускал на свободу Муни и Биллингса. За свою двусмысленную политику губернатор Нюнг и был жестоко наказан на предварительных выборах, когда его кандидатура в губернаторы с треском провалилась.

Но и его заместитель вряд-ли лучше отнесется к этому делу и постесняется раскрыть тюремные двери. Поэтому борьба за освобождение Муни и Биллингса должна принять более энергичный характер. Надо сломать упорство капиталистов и принудить их выпустить из своих лап уже замученных, полуживых борцов за рабочее дело.

Открыта подписка НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся русскими прогрессивными
организациями Северной Америки.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: политики, экономики, освободительного движения, науки, философии, искусства, литературы и критики.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР
ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.